

П. О. Карышковский

ОЛЬВИЯ И АФИНСКИЙ СОЮЗ*

Уже более семидесяти лет назад акад. В. В. Латышев высказал мысль о том, что во второй половине V в. до н. э. Ольвия входила в состав Афинского морского союза. Не располагая, однако, документальными доказательствами для подтверждения этого «простого предположения», В. В. Латышев был вынужден окружить его многими оговорками¹. В самом деле, единственным источником, который он мог привести в пользу того, что Ольвия в течение некоторого времени была членом Афинского морского союза, являлось гипотетическое восстановление У. Келером и А. Кирхгофом одного из списков дани афинских союзников². Но так как на камне сохранились лишь начальные буквы названий нескольких причерноморских городов (имя Ольвии восстанавливается, например, по одной первой букве), то дополнение У. Келера не получило признания в эпиграфической литературе³. Однако связи между Ольвией и Афинами в V в. до н. э. столь несомненны и настолько интенсивны, что многие ученые не считали нужным рассматривать этот вопрос с формально-историко-эпиграфической точки зрения и признавали, что Ольвия являлась членом Афинского Союза⁴.

* Переработанный текст доклада, читанного на заседании секции истории древнего мира ЛОИИ АН СССР 27 ноября 1958 г.

¹ В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 45—47.

² U. Köhler, *Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes*, AAWB, Jahrgang 1869, B. I, 1870, S. 74—75, 164—168; CIA, v. I, № 37, p. 20—23 (A. Kirchhoff). Лучшее современное издание надписи—B. D. Meritt and A. V. West, *The Athenian Assessment of 425 B. C.*, Ann Arbor, 1939, p. 28, 68—69, pl. II. Имя Ольвии восстанавливается на обломке № 40 по изданию Меритта и Уэста, в стк. 522. Подробная библиография надписи дана также в работе Меритта, Уэйд-Джери и Мак-Григора, см. B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery and M. F. MacGregor, *The Athenian Tribute Lists*, v. I, Cambridge (USA), 1939, p. 204—205 (ср. p. 157, A—9); v. II, Princeton, 1949, p. 43.

³ Например, Ф. Гиллер фон Гертринген (IG, v. I², № 63, p. 190) сопровождает все восстановление имен на занимающем нас обломке вопросительными знаками и называет их «dubia»; Б. Н. Граков замечает, что «восстановление надписи довольно сомнительно» (Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238). Ср. M. N. Tod, *A Selection of Greek Historical Inscriptions*, 2 ed., Oxford, 1946, p. 157 — «very uncertain»; ATL, v. I, p. 529 — «it does not follow that the 'O'... was Olbia».

⁴ G. Busolt, *Griechische Geschichte*, B. III, 1 Teil, Gotha, 1897, S. 587; J. Velschow, *Griechische Geschichte*, B. II, 1 Abt., 2 Aufl., Berlin, 1927, S. 199; E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, B. IV, 1 Abt., 3 Aufl., Stuttgart, 1939, S. 729; U. Kaerstedt, *Der Umfang des attischen Kolonialreiches*, Göttingen, 1931, S. 163—164; L. Homo, *Périclès*, Paris, 1954, p. 189. С. Е. Н. Миннс, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, p. 458, 639. Особенно важно, что эту точку зрения разделял Б. В. Фармаковский (ср. статьи «Ольвия» в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона, 3 доп. полутом, 1906, стр. 339 и в Новом Энциклопедическом Словаре того же издательства, т. 29, 1916, стб. 455, а также посмертно опубликованную работу — Розкопування Ольвії р. 1926, Одеса, 1929, стор. 54).

Эта точка зрения вызвала уже в 1934 г. решительный протест со стороны акад. С. А. Жебелева⁵. Последний, правда, ставит вопрос шире, — не об одной только Ольвии, но вообще о древнегреческих городах-государствах Северного Причерноморья, — и приходит к выводу, что восстановление имен северопонтийских полисов на обломках списка союзников за 425/424 г. до н. э. обосновано весьма слабо и сверх того «по существу дела вызывает сильные сомнения». Поскольку это общее заключение формулируется С. А. Жебелевым с полной определенностью, оно заслуживает рассмотрения прежде всего в таком общем виде.

Обосновывая свой вывод об отсутствии афинских владений на северном побережье Понта Евксинского, С. А. Жебелев высказывает такие соображения. Во-первых, он указывает, что если причерноморские города входили в число союзников, то они должны были бы входить в какой-либо из округов Афинского союза; но к какому именно податному округу могли они принадлежать? С. А. Жебелев считает, что ответить на такой вопрос нельзя, чем и доказывается непричастность Ольвии и других городов к Афинскому морскому союзу⁶. Во-вторых, союз был основан для борьбы против Персии, и уже поэтому северопонтийские полисы не могли в него входить; захватнические стремления Афин С. А. Жебелев считает в этом случае вообще исключенными, ибо афинянам эти города, которые он называет «вряд ли значительными», попросту не были нужны⁷. В-третьих, размер фороса, указанный на упомянутом обломке надписи, — в частности, один талант для Ольвии, два таланта для Тиры и т. д. — С. А. Жебелев признает непосильным для них бременем. Последнее соображение было высказано автором и в другой работе⁸.

По поводу этих общих замечаний С. А. Жебелева, которые в последнее время повторяет также И. Б. Брашинский⁹, необходимо сказать следующее. Из того, что затруднительно определить, к какому именно округу внутри союза должны были относиться припонтийские города, отнюдь не может вытекать отрицание самого факта их вхождения в Афинский союз. Известно, что к числу афинских союзников принадлежала Аполлония на западном берегу¹⁰, Гераклея¹¹; а также Синопа и Амис на южном¹². т. е. на берегах Черного моря были владения афинян. Кроме того, на том самом обломке, где читаются имена гераклеотов и Аполлонии, выставлен и заголовок [ΠΟΛΕΩΣ] ΕΚ ΤΟ ΕΥ[ΧΑΕΙΝΟ] (подразумевается ΠΟΝΤΟ), отделяющий особое место Гераклеи, Аполлонии и других причерноморских

⁵ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 24—37 (перепечатано в сборнике статей С. А. Жебелева «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 180—195 и цитируется далее по этому переизданию).

⁶ С. А. Жебелев, СП, стр. 181—182.

⁷ Там же, стр. 182.

⁸ Там же, стр. 182—183. Ср. его же, Возникновение Боспорского государства, ИАН, VII серия, ОГН, 1930, № 10, стр. 812—813, примечание (СП, стр. 65).

⁹ И. Б. Брашинский, Афины и Северное Причерноморье в VI—IV вв. до н. э., Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1958; его же, К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э., ВДИ, 1955, № 2; его же, Понтийская экспедиция Перикла, ВДИ, 1958, № 3. К точке зрения С. А. Жебелева присоединились также Э. Диль (E. Diehl, Nymphæion, RE, Suppl. VI) и М. М. Худяк (Раскопки святилища Нимфея, СА, т. XVI, 1952).

¹⁰ The Athenian Assesment, p. 68, col. IV, lin. 488 (irg. 38); ср. Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 67—70.

¹¹ The Athenian Assesment, p. 68, col. IV, lin. 487 (irg. 38); Thuc., IV, 75, 1—2; Diod., XII, 72, 4; Just., XVI, 3. Ср. А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2, стр. 256—257.

¹² Plut., Per., XX, 1—2 Luc., XIX, 8; Strab., XII, 3, 14; Appian., Mithr., 83; ср. М. И. Максимова, Античные города юго-восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 97—102.

полисов в составе Фракийского податного округа¹³: если даже читать эту строку [ΠΟΛΕΣ] ΕΚ ΤΟ Ε[ΣΧΑΤΟ] (подразумевается ΤΗΣ ΑΡΧΗΣ), как предлагает И. Б. Брашинский, хотя такая формулировка не имеет примеров в афинских документах V в. до н. э.¹⁴, то и в этом случае все же остается в силе то обстоятельство, что для припонтийских городов находится место среди афинских союзников.

Невозможно согласиться с доводами С. А. Жебелева и в том пункте, где он говорит о цели союза и незаинтересованности Афин в столь отдаленных владениях. Да и какую связь с изучаемым вопросом имеет утверждение о том, что «первоначальная цель обоснования союза», т. е. борьба против персидской агрессии, была чужда интересам припонтийских греков? Ведь никем не выдвигалась мысль о том, что Ольвия, Тира или Нимфей входили в число союзных государств со времени первоначальной организации морского союза. Кроме того, борьба с персами как цель Афинского союза вообще не существовала со времени Каллиева мира — но союз, как известно, не только не был распущен, но, напротив, все время укреплялся афинянами, руководящая роль которых внутри союза возрастает и как раз тогда, когда угроза внешней агрессии была устранена, Афины устанавливают свое полное господство над прежними союзниками¹⁵. Сверх того, Ольвию или Нимфей никак не приходится относить в занимающее нас время к городам настолько незначительным, что их привлечение к союзу не представляло для афинян ни материальной выгоды, ни политического смысла; после поражения в Египте, ясно показавшего невозможность установления регулярной торговли с плодородной нильской долиной (454 г. до н. э.), афинянам было особенно важно укрепить свои позиции в других районах, откуда они получали сельскохозяйственные продукты и сырье; нет сомнения, что уже в середине V ст. до н. э. Северное Причерноморье стало главным источником снабжения Афин зерном¹⁶. Да и сами города Ольвия и Нимфей были в это время достаточно крупными, богатыми и благоустроенными, о чем совершенно неопровержимо свидетельствуют археологические памятники¹⁷. Наконец, хорошо известно, что Афины имели в числе союзников и города очень маленькие, форос которых выражался в сумме во много раз меньшей, чем один или два таланта¹⁸.

Позволительно, наконец, выразить сомнение и относительно того, что дань в один-два таланта была непосильно тяжела для таких городов, как Ольвия, Тира или Нимфей. С большим правом можно утверждать,

¹³ The Athenian Assesment, p. 68, col. IV, lin. 486 (frg. 38); ATL, v. I, p. 539, 527—529.

¹⁴ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1955, № 2, стр. 148—151.

¹⁵ Из литературы по этому вопросу см. в особенности G. E. M. Sainte-Croix, The Character of the Athenian Empire, «Historia», В. III, Н. 1, 1954; ATL, v. III (Princeton, 1950), p. 183 sqq.; R. Meiggs, The Growth of the Athenian Imperialism, JHS, v. LXIII, 1943; H. Schaefer, Beiträge zur Geschichte der Attischen Symmachie, «Hermes», В. LXXIV, Н. 3—4, 1939; H. Nesselhauf, Untersuchungen zur Geschichte der Delisch-Attischen Symmachie, «Klio», Beiheft XXX (NF, Н. 17), 1933.

¹⁶ В этом убеждает принятие афинянами серии законодательных актов, регулирующих поступление зерна через Босфор и Дарданеллы; ср. декреты о метонейцах, ATL, v. I, D—3 — D—6; v. II, p. 48—49; v. III, 133 sqq. См. также А. С. Коцевалов, Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря, Збірник заходознавства, 1929, стор. 15—17; В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 8, 16, 51—54.

¹⁷ Е. И. Леви, Ольвийская агора, МИА, № 50, 1956; Е. И. Леви и А. Н. Карасев, Ольвийская агора, СА, 1958, № 4 и мн. др.; М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, СА, т. XVI, 1952; его же, Раскопки Нимфея 1952—1954, СГЭ, вып. 8, 1955 и др.

¹⁸ Среди союзников, например, 5 городов вносили форос в размере 10—10½ драхм, 8 городов — по 100 драхм, 6 — по 300, 31 — по 500 и т. д. См. ATL, v. III, p. 122.

что такой форос был, напротив, очень невелик для Ольвии, уже во времена Геродота представлявшей сравнительно большой город, тесно связанный с метрополией и с местными племенами¹⁹. Вряд ли, во всяком случае, Афитис, Миконос или Миласа, платившие по одному таланту, и даже такие города, как Илион либо Астипалея, форос которых составлял два таланта²⁰, были во второй половине V в. до н. э. богаче Ольвии, державшей в своих руках ключи от одного из хлебоброднейших районов мира, населенного земледельческими племенами, производившими хлеб на продажу²¹. В силу этого общие соображения С. А. Жебелева не представляются нам убедительными, и в силе остается лишь одно его замечание, а именно, то что само восстановление имен Ольвии, Тиры и т. п. по уцелевшим буквам надписи является не более чем гадательным. Это действительно так, но об этом писали и прежде, и после С. А. Жебелева²².

Впрочем, нельзя совершенно не придавать значения тому, что на обломках афинского декрета о порядке взимания дани, в списке союзников, чьи взносы поступали через финансовые органы Фракийского округа, выделена специальным заголовком, наиболее вероятным восстановлением которого все же остается чтение ΠΟΛΕΣ ΕΚ ΤΟ ΕΥΧΛΕΙΝΟ²³, особая группа членов союза, в составе которой несомненно читаются имена гераклеотов и Аполлонии. Разумеется, было бы по меньшей мере нелогично делать отсюда вывод о том, что чуть ли не все причерноморские города, даже столица Боспора Пантикапей и отдаленный Танаис, входили в состав Афинского союза²⁴. Но, с другой стороны, читая после упомянутого заголовка [ΝΗΡ]ΑΚΑΒΙΟΥΤΑ|Ι| и [ΑΠΟΑ]ΔΟΝΙΑ, не приходится абсолютно отвергать и вероятности распространения уцелевших букв в следующих строках в имена именно причерноморских городов; по крайней мере нам представляется, что совершенно игнорировать наличие данного текста при решении вопроса о взаимоотношениях полисов Северного Причерноморья с Афинами во второй половине V в. до н. э. нельзя²⁵. И разве допустимо при таких условиях заранее постулировать невозможность вхождения любого северопонтийского города в число союзников Афин? А ведь у С. А. Жебелева читаем: «В сферу афинской экспансии Боспор, как и во-

¹⁹ См. в особенности статьи Н. Н. Бондаря — Торговые отношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э., СА, т. XXIII, 1955; Торгові відносини Ольвії з містами античного світу в VI—IV ст. до н. е., НЗ КДУ, т. XIII, вип. 10, № 5, 1954.

²⁰ Ср. указатель союзных городов, в котором они размещены по величине фороса, ATL, v. III, p. 122—124. Например, Фасос, Маронея, Книд вносили по три таланта, Абдера, Энос, Милет, Линд, Ялис — по десяти талантов, Андрос, Наксос, Клазомены — по пятнадцати. Кизик платил двадцать; наивысшая сумма фороса доходила до семидесяти пяти талантов.

²¹ Нег., IV, 17—18. О благосостоянии Ольвии свидетельствует не только Геродот (IV, 79—80), но и данные раскопок. Ср. общее заключение В. Ф. Гайдукевича (История античных городов Северного Причерноморья, АГСП, т. I, 1955, стр. 37—40) и Л. М. Славина (Ольвия, Київ, 1938, стор. 9—12).

²² Например, ATL, v. I, p. 529, 539 (авторы предлагают наряду с именами Ольвии и Тиры читать имена Офнуussy, Одесса, Тиритаки, Тирамбы и т. п.; pp. 496, 502, 519, 553). Ср. также литературу, указанную в прим. 3.

²³ «Die Ergänzung darf als gesichert gelten», пишет Шефер («Hermes», В. LXXIV, Н. 3—4, 1939, S. 251). Ср. отзывы Д. П. Каллистова (Очерки по истории Северного Причерноморья, Л., 1949, стр. 207; его же, Измена Гилона, ВДИ, 1950, № 1, стр. 28), В. Д. Блаватского (Архангелский Боспор, МИА, № 33, 1954, стр. 25, прим. 4), Т. В. Блаватской (ЗГ, стр. 68; ее же, Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э., М., 1959, стр. 66, прим. 51) и др.

²⁴ Ср., например, E. G. S. Robinson, The Athenian Currency Decree and the Coinage of the Allies, «Hesperia», Suppl. VIII, 1949, p. 336; L. Homo, Périclès, p. 189. Такие выводы стоят на уровне небезызвестных рассуждений кн. Сибирского (А. А. Сибирский, Воспорский город Стратоклея и новая монета синдвов, Тр. III. АС (Киев, 1874), т. I. 1878, стр. 121—129); впрочем, М. И. Ростовцев также считал Афинейон колонией афинян (Эллинизм и иранство на юге России, Пгр, 1918, стр. 86).

²⁵ Так считает и Б. Н. Граков, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238.

обще Северное Причерноморье, не входил». И. Б. Брашинский выражается не менее категорически: «Северное Причерноморье, в частности крымские города, не входило в состав Афинского союза»²⁶. Выше было, однако, показано, что для такого решительного отрицания немногим больше твердых оснований, чем для огульного включения всех полисов Причерноморья в число подданных Афинской архе.

Следует заметить, что при изучении вопроса о взаимоотношении Афин и городов Северного Причерноморья главное внимание исследователей привлекал Боспор и, в частности, вопрос о входжении в Афинский союз Нимфея, что опять-таки ставилось в зависимость от так называемого дела Гилона. Для С. А. Жебелева главное содержание проблемы — критическая оценка известий Эсхина, и уже в тесной связи с полученным по данному пункту выводом группируются прочие источники. И. Б. Брашинский несколько расширяет поле исследования и делит свое внимание примерно поровну между разбором дела об измене Гилона и изучением другого обломка уже не раз упоминавшегося списка союзников за 425—424 г. до н. э., где прежде читали имя Нимфея²⁷. Заметим сразу же, что повторное изучение камня показало, что на этом обломке после буквы Ν читается не Υ, а Ι, так что старое дополнение У. Келера приходится отвергнуть²⁸. Но должно ли отсюда следовать, что Нимфей не был членом Афинского союза? Вряд ли, ибо и само восстановление Ν[ΥΜΦΑΙΟΝ] было продиктовано наличием совершенно независимого указания на то, что в занимающее нас время Нимфей «платил талант афинянам», т. е. входил в состав Афинской державы²⁹. К сожалению, в развернувшейся полемике о Нимфее значение этого свидетельства недооценивалось, а сам он незаслуженно отодвигался на второй план, и лишь недавно Д. Б. Шелов возвратил этому тексту по праву принадлежащее ему место³⁰.

²⁶ С. А. Жебелев, СП, стр. 190; И. Б. Брашинский, ВДИ, 1955, № 2, стр. 151; ВДИ, 1958, № 3, стр. 118—119.

²⁷ CIA v. I, № 37 Z⁵ (обломок № 39 по Меритту и Уэсту). См. иностранную литературу, указанную выше, в прим. 4; ср. Д. П. Каллистов, ВДИ, 1950, № 1, стр. 27—36 (Очерки, стр. 206—208).

²⁸ The Athenian Assesment, p. 68, col. IV, lin. 503 (frg. 39); ср. p. 28, 87—88. Фото обломка см. А. В. West, Metropolitan Museum Studies, v. III, 1931, p. 187, pl. I (ср. И. Б. Брашинский, ВДИ, 1955, № 2, стр. 152—154, рис. 2; также С. А. Жебелев, СП, стр. 183, прим. I).

²⁹ Гарпократон, составитель лексикографического пособия к речам классических афинских ораторов (II в. н. э.), пишет: „Нимфей. Эсхин в речи против Ктесифонта говорит: «Нимфей в Понте». Кратер в девятой книге «Постановлений» говорит, что Нимфей платил афинянам талант” (SC, v. I, p. 589, ср. p. 390). Добросовестность Гарпократона вообще не вызывает сомнений (H. Schulz, Harpokration, RE, V. VII, Sp. 2412—16), а о том, что в данном случае имеется ввиду именно боспорский Нимфей, свидетельствует ссылка на Эсхина (ср. Aesch, III, 171—172). В силу этого нельзя принять гиперкритические и противоречивые замечания С. А. Жебелева (СП, стр. 183—184), где после целого ряда попыток подорвать доверие к показанию Гарпократона следует неожиданный вывод: «лично я склоняюсь к мысли, что Кратер имел ввиду боспорский Нимфей». Однако это не помешало И. Б. Брашинскому еще раз повторить замечания С. А. Жебелева (ВДИ, 1955, № 2, стр. 154). Достаточно хорошо известно, что Кратер, современник диалогов, специально собирал древние надписи и списывал их внимательно и аккуратно (F. Jacoby, Krateros, RE, V. XI, Sp. 1617—18). С. А. Жебелев и вслед за ним И. Б. Брашинский хотят видеть в таланте, который Нимфей платил афинянам, «таможенные или иные сборы» (СП, стр. 65); но если афиняне собирали в Нимфее таможенные сборы, то это также ведет к предположению о том, что город входил в состав Афинского союза или был владением Афин. Да и труднее себе представить, что таможенные сборы с Нимфея достигали одного таланта, чем принять эту сумму за форос, как делали У. Келер, А. Кирхоф, М. Дункер, Г. Бузольт, Ю. Белох, Эд. Мейер, Г. Глоц, М. И. Ростовцев, а из советских ученых — К. Э. Гриневич, Д. Б. Шелов, В. Д. Блаватский, Д. П. Каллистов, Т. В. Блаватская и др.

³⁰ С. А. Жебелев, СП, стр. 180—195; И. Б. Брашинский, ВДИ, 1955, № 2, стр. 148—161. На наш взгляд, весь вопрос о Гилоне и о принадлежности Нимфея к Афинскому союзу получили достаточное освещение в литературе. См. К. Э. Гриневич

Впрочем пересмотр вопроса о Нимфее — и тем более о пресловутом деле Гилона — не входит в наши намерения. Если до настоящего времени вопрос о вхождении полисов Северного Причерноморья в состав Афинского союза решался путем распространения выводов, полученных на боспорском материале, на все прочие города, то мы ставим своей целью пересмотреть имеющиеся данные только по отношению к Ольвии. Сразу же оговоримся, что любое решение вопроса о том, входил ли Нимфей или любой город на Боспоре в число афинских союзников, не дает права делать автоматические заключения в отношении Ольвии или Тиры; насколько можно судить, в V в. до н. э. между Боспором и Ольвией не было тесных связей и близости, и по отношению к ним афинская политика была совершенно различной³¹. Да и сами ольвиополиты, с одной стороны, и пантикапаиты, нимфаиты, фанагорийцы и т. д. занимали неодинаковые позиции по отношению к Афинам; это с необходимостью вытекало из своеобразия всего развития Ольвии и Боспора, из конкретных отличий в их экономике, общественно-политическом строе, отношениях с местными племенами. Поэтому и вопрос об отношении Ольвии к Афинскому морскому союзу должен быть рассмотрен отдельно, тем более, что для его решения имеются, как мы увидим, разнообразные и вполне удовлетворительные источники.

2.

Одновременно с В. В. Латышевым мысль о принадлежности Ольвии к Афинскому союзу высказал на основании нумизматического материала А. В. Орешников. К сожалению, его наблюдения не были ни систематизированы, ни обобщены — они изложены в одном из примечаний к описанию монет, принадлежавших гр. А. С. Уварову, и не привлекли в дальнейшем внимания Латышева и других ученых³². Более чем тридцать лет спустя А. В. Орешников повторил свою мысль³³, но и на этот раз она прошла незамеченной, во всяком случае С. А. Жебелев, вполне ясно понимавший значение нумизматических данных для решения вопроса о вхождении северопонтийских городов в состав Афинского союза, не использовал наблюдений А. В. Орешникова³⁴. Между тем, если Ольвия была членом Афинского морского союза, это должно было оставить следы на ее нумизматических памятниках.

В самом деле, Афины не только стремились установить свое экономическое и политическое господство над союзниками, но и прямо вмешивались в их монетное дело. Соответствующее постановление было принято, как считают в последнее время, непосредственно вслед за Каллиевым миром, около 449—448 г. до н. э.; инициатором его был некий Клеарх. Во времена Клеона, незадолго до Никиева мира, последовало новое

вич, Оборона Боспора Киммерийского, ВДИ, 1946, № 2, стр. 162—163; Д. П. Каллистов, Очерки, стр. 206—208; его же, ВДИ, 1950, № 1, стр. 27—36; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 176—177; его же, АГСП, т. 1, стр. 107—108; Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 35—39; Т. В. Блаватская, Очерки, стр. 68—77.

³¹ На это впервые указала Т. В. Блаватская, Очерки, стр. 58—68. Автор очень убедительно доказывает, что отношения Боспора с Афинами до самого конца Пелопоннесской войны были холодными и даже враждебными. Неверно, будто взаимоотношения всех северочерноморских полисов с афинянами всегда были «неизменно дружественными и тесными», как полагает И. Б. Брашинский (ВДИ, 1958, № 3, стр. 119).

³² А. В. Орешников, Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, М., 1887, стр. 3—4.

³³ А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 222.

³⁴ С. А. Жебелев, СП, стр. 182—183, прим. 4.

подтверждение Клеархова закона. В этих документах устанавливается, что все города, подвластные Афинам, обязаны пользоваться аттическими мерами, аттической системой веса и афинской монетой; нарушители этих правил подвергаются штрафам, а чтобы никто не мог оправдываться тем, что он не знаком с данным решением, текст его должен быть вырезан на мраморных плитах и выставлен на площадях всех городов, входивших в состав союза: более того, в крайних случаях предусматривается даже доставка готовых надписей с текстом декрета из Афин. В дальнейшем для наблюдения над осуществлением этого постановления во все округа — т. е. в Ионию, на острова Архипелага, в Геллеспонтский округ и во Фракию — были спешно посланы специальные уполномоченные, которые должны были добиться того, чтобы местные власти обязались присягой строго соблюдать все предписанные ограничения. Наконец, все частные лица обязаны сдать имеющуюся у них монету неаттической чеканки на монетный двор, получая взамен афинских «сов»; каждый должен при этом составить список своих монет, а эпистатам вменяется в обязанность выставлять эти списки для всеобщего сведения³⁵. Весь тон постановления свидетельствует, как и его содержание, о том, что афинские власти подходили к этому мероприятию весьма серьезно и придавали строгому соблюдению Клеархова закона большое значение³⁶.

Еще первые нумизматы, обратившие внимание на этот документ³⁷, установили, что он выполнялся вначале в общем довольно точно. В отдельных случаях, правда, допускались исключения — не имея возможности полностью и сразу обеспечить внутренние рынки всех союзных городов своими «совами», афиняне, по-видимому, смотрели порой сквозь пальцы на эпизодический выпуск союзниками мелких номиналов серебра, необходимых для обслуживания местных городских рынков, в особенности, если эти монеты чеканились по аттической системе. В дальнейшем многие города уклонялись от точного выполнения декрета и не только чеканили монету высшего достоинства, но и далеко не всегда придерживались при этом аттической весовой системы. Это и привело, надо полагать, к новому подтверждению декрета Клеарха, и с конца Архидамовой войны до Сицилийской катастрофы его постановления опять вошли в силу и соблюдались весьма строго³⁸. Напротив, распад Афинской державы снова приводит к значительному подъему и оживлению местной чеканки, причем аттическая система на рубеже V—IV вв. до н. э. явно теряет свою популярность³⁹.

Известные различия в отношении соблюдения постановления можно проследить и в территориальном отношении; так, строже и последова-

³⁵ Сводный текст псефисмы Клеарха см. ATL, v. I, p. 579, T—69; v. II, p. 61—68, D—14, где указана и относящаяся к ней литература. Ср. также IG, v. XII, Supplementum, p. 215—217; Tod, p. 163—166; SEG, v. X, 1949, p. 20. Существует русский перевод части надписи, выполненный, к сожалению, по устарелому и неполному изданию (ИГАИМК, вып. 78, 1933, стр. 366, № 561).

³⁶ В конце 20-х годов V в. до н. э., насколько можно судить, афинское народное собрание приступило к проведению целого ряда финансовых мероприятий; ср. обломок другого, также весьма любопытного постановления.— B. D. Merritt, Attic Inscriptions of the V Century, «Hesperia», v. XIV, p. 2, 1945, p. 119—122.

³⁷ R. Weil, Das Münzrecht Athens im ersten Attischen Bunde, ZfN, B. XXV, 1906; id., Das Münzrecht der Symmachoi im ersten Attischen Seebund, ZfN, B. XXVIII, 1910; E. Babelon, La politique monétaire d'Athènes au V siècle av. n. e., RN, 4 série, t. XVII, 1913; P. Gardner, Coinage of the Athenian Empire, JHS, v. XXXIII, 1913.

³⁸ M. Segre, La legge ateniese sull'unificazione della moneta, «Clara Rhodos», v. IX, 1938, p. 151, 167—175; H. Schaefer, «Hermes», B. LXXIV, H. 3—4, S. 254—258; E. G. S. Robinson, «Hesperia», Suppl. VIII, p. 324—336; E. Cavaignac, Le décret dit de Klearchos, RN, 5 série, t. XV, 1953, p. 1—7.

³⁹ Зелтман наглядно представил это на таблице; C. Seltman, Greek Coins, 2 ed., London, 1955, p. 151.

тельнее всего оно выполнялось на Фракийском и Македонском побережье, на Мелосе, в Аспендосе или в Ликий, а Лесбос, Самос и особенно Хиос относились к нему с самого начала гораздо более свободно⁴⁰. Впрочем, Аполлония на западном побережье Понта, несомненно являвшаяся членом Афинского морского союза, также чеканит именно в эти годы много мелкого серебра по аттической системе⁴¹; равным образом и Кизик не только не прекратил чекан своего прославленного электра, но напротив, выпускал его во все возрастающем количестве, причем кизикийны легально обращались в самих Афинах, так что Кизик вполне основательно называют «вторым монетным двором Афинской державы»⁴². Правда, следует заметить, что запрещение выпуска монеты касалось главным образом серебра.

Все изложенное позволяет прийти к заключению, что если Ольвия была членом Афинского союза, то мы можем рассчитывать отыскать в ее монетном деле ряд особенностей, связанных с указанным постановлением. Прежде, однако, чем обратиться к изучению ольвийских монет второй половины V в. до н. э., мы должны заметить, что имеются все основания искать именно в Ольвии следы применения Клеархова закона. Так как такое заключение вытекает из предлагаемого нами восстановления обломка надписи, опубликованной в малодоступном издании и к тому же еще не на русском языке⁴³, считаем необходимым прежде всего переиздать документ.

Надпись, о которой идет речь, была, подобно многим другим ольвийским эпиграфическим памятникам, приобретена в Парутине; она поступила до 1933 г. в Одесский археологический музей, в дальнейшем была передана в археологический кабинет Одесского государственного университета и опубликована И. Д. Головки, использовавшим, как он и сам указывает, помощь и советы М. Ф. Болтенко. В настоящее время обломок по-видимому утерян⁴⁴.

⁴⁰ J. Mavrogordato, A Chronological Arrangement of the Coins of Chios, NC, 4 series, v. XV, 1915, p. 361—394.

⁴¹ Т. Герасимов, Находка със сребърни монети на Аполония на Черно море, РП, т. I, 1948, стр. 134—149.

⁴² H. von Fritze, Die Elektronprägung von Kyzikos, «Nomisma», B. VII, 1912, S. 1—38; ср. R. Weil, ZfN, B. XXV, S. 58; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 41.

⁴³ И. Д. Головки, Епіграфічні пам'ятки з колекції Одеського університету, Праці ОДУ, т. 149, серія історичних наук, вип. 7, 1959, стор. 134—136, № 1 (рис. 7, 1).

⁴⁴ В ходе обсуждения нашего доклада на заседании секции древней истории ЛОИИ возражения оппонентов были сосредоточены вокруг вопроса о происхождении надписи. Связанные с этим обстоятельства вырисовываются в следующем виде. В Одесском археологическом музее до самой Отечественной войны вновь поступающие надписи заносились в особую инвентарную книгу, начатую еще Э. Р. Штерном; ввиду ветхости этой книги, параллельно с нею велась и другая, представляющая в своей начальной части простую копию первой. Обе книги хранятся в настоящее время в архиве музея. В «штерновской» книге на стр. 20—21 под № 251 читается: «Обломок мраморной плиты с греческой надписью, выс. 16 см, шир. 18 см, толщ. 5 см»; запись сделана 18 февраля 1933 г., причем указано, что обломок куплен в Ольвии; во второй книге те же данные помещены на стр. 18—19 на украинском языке. На обломке, поступившем из музея в университет в 1950 г., читались остатки цифр 25... (И. Д. Головки, Праці ОДУ, т. 149, вип. 7, стор. 134, прим. 1); кроме того, размеры обломка во всех трех измерениях почти точно совпадают с указанными в музейной документации; наконец, М. Ф. Болтенко, обративший внимание И. Д. Головки и автора настоящих строк на указанный обломок, указал, что он куплен в Парутине еще С. С. Дложевским, умершим в 1930 г. Если память не изменила в этом случае М. Ф. Болтенко, — а знаямши его лично известна исключительная память покойного в отношении всех деталей, связанных с памятниками, хоть однажды побывавшими в его руках, — то следует полагать, что обломок, попавший в музей не позже 1930 г., был инвентаризован только три года спустя, что вполне возможно, если учесть положение музея в те годы. В силу этого мы не видим оснований сомневаться в законности отождествления обломка, изданного

Интересующий нас документ представлял собой неправильной формы обломок хорошего островного мрамора, оббитый со всех сторон таким образом, что установить первоначальную толщину плиты не представлялось возможным. Наибольшая длина обломка в направлении, параллельном строкам, — 0,183 м; в направлении, перпендикулярном строкам — 0,157 м; наибольшая толщина — 0,490 м. Лицевая поверхность несколько сглажена от пребывания в воде, особенно в верхней части, так что буквы последних строк глубже врезаны в мрамор, чем буквы первых; в нескольких местах заметны повреждения, которые появились на камне еще до того, как вода стала оказывать на его поверхность свое воздействие; нижний правый скол, напротив, совершенно свеж.

На камне сохранились остатки девяти строк греческой надписи, нанесенной по способу стойхедон; полностью или частично читаются 57 букв. Буквы четкие, уверенно и довольно глубоко вырезанные; в нескольких местах едва заметны остатки неглубоких прямых линий, ограничивающих пределы строк. Высота букв 0,012 м, расстояния между соседними знаками колеблются от 0,004 до 0,006 м, между строками по вертикали — 0,005—0,007 м (рис. 1—2).

По всей манере письма, по применению способа стойхедон, по характеру отдельных буквенных начертаний памятник можно датировать концом V или началом IV в. до н. э.; особенно примечательных с этой точки зрения форма Ε с равными по длине и расположенными на одинаковых расстояниях горизонтальными линиями, Π и Ν с едва заметно укороченной правой вертикалью, Σ и Μ с попарно параллельными раскосыми линиями, Λ и Α в виде равнобедренных треугольников; привлекают также внимание буква Ο, выведенная по циркулю (в четырех случаях в центре Ο заметно углубление от ножки циркуля) и Δ, равная по величине всем прочим.

Восстановление надписи, от которой сохранилось лишь 27 неповрежденных букв, представляется делом нелегким. Можно сразу же, впрочем, заметить, что письмо здесь более густое, чем письмо других ольвийских документов, вырезанных по способу стойхедон⁴⁵: это позволяет предполагать, что перед нами обломок значительного по объему текста. Издатель дополняет надпись следующим образом. В стк. 2 он склонен видеть какую-нибудь форму от *κοπτο* — «бить, ударять», в переносном смысле «разорять, повреждать». В стк. 3 он читает [επι]βολ[ο]ν[α]ς сопоставляя это с *επιβολη* — «нападение». В стк. 4 можно, по его мнению, восстанавливать какую-либо форму от *απελευθερω* — «отпускаю, освобождаю». В стк. 5 читается [ορ]κον [ε]ον της..., т. е. речь идет о клятве или присяге. В стк. 6 И. Д. Головки усматривает *εαν τι οκ...*; выражение „если

И. Д. Головки, с тем, который был внесен под № 251 в инвентарные книги Одесского музея, тем более, что в настоящее время в фондах последнего нет другого мраморного обломка со старым шифром «Π-а 251». Но вместе с тем мы не считаем возможным умолчать здесь о другой существенной трудности: письмо документа лишь с натяжкой может быть отнесено к V в. до н. э. Поскольку, однако, вероятность случайного совпадения всех букв и частей букв, сохранившихся на мраморе, с текстом афинского постановления о мерах и весах (см. в тексте) представляется нам совершенно ничтожной, с чем, надо отметить, соглашались и все оппоненты, и в то же время не приходится думать о подделке столь незначительного на первый взгляд памятника (заметим попутно, что подделка должна была быть сделана после опубликования посвященных этому документу статей Сегре и других ученых, опубликованных в 30-х годах), мы не можем совершенно отказаться от всех соображений, изложенных в тексте, и полагаем, что выдвинутая нами интерпретация надписи является наиболее вероятной гипотезой по этому поводу. Нельзя при этом опускать из виду, что предположение о вхождении Ольвии в Афинский союз имеет опору и в виде нумизматических памятников, посылкой объясненных ниже.

⁴⁵ Е. И. Леви, МИА, № 50, стр. 105, рис. 66 (№ 4) и стр. 106, рис. 67 (№ 5); А. Н. Карасев, Основные результаты работ на ольвийской агоре в 1953 г., КС ИИМК, вып. 63, 1956, стр. 127, рис. 62. Ср. также IOSPE, v. I, ed. 2, № 307.

бы кто-нибудь» хорошо подходит для клятвы, упомянутой в предшествующей строке; $\epsilon\kappa$ можно дополнить какой-либо формой от $\tau\chi\epsilon\mu\rho\omicron\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ («коварно, хитро замышлять что-либо»), $\sigma\kappa\epsilon\lambda\alpha\gamma\omega\gamma\epsilon\omega$ («переселяться со всем имуществом при нашествии неприятеля»), $\sigma\kappa\epsilon\pi\alpha\omega$ («прикрывать, защищать») и т. д. В стк. 7 он склонен читать $\chi\alpha\iota \mu\acute{\eta}$ — «чтобы не», а $\chi\rho$ дополнять как форму от $\chi\rho\eta\mu\alpha\tau\iota\zeta\omega$ («заниматься делами, обогащаться, наживаться»); в целом это могло бы, по его мнению, входить в формулу клятвы, воспрещающей «неправедную» наживу в момент общественного бедствия. Наконец, в стк. 8 он предполагает чтение $[\epsilon\iota]; \eta\mu\acute{\epsilon}[\tau\epsilon\rho\omicron\nu]$

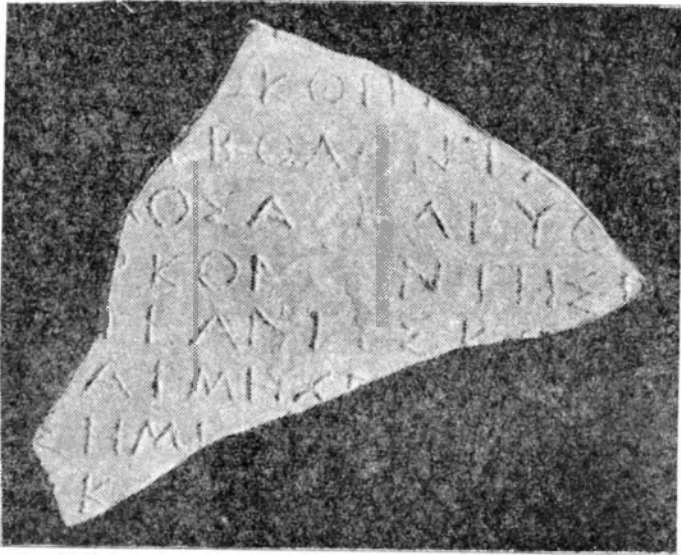

Рис. 1.

— «во свояси, домой», быть может — по поводу отступления виновников разорения, о котором говорится выше. Вся надпись позволяет, по мнению И. Д. Головки и М. Ф. Болтенко, думать о каких-то важных событиях внутри города, связанных с нашествием неприятеля.

Приведенное восстановление надписи нельзя считать совершенно исключенным. Но вместе с тем мы не можем и принять его в качестве единственно возможного. Не придавая особенного значения небольшим грамматическим трудностям, возникающим при таком дополнении, следует, однако, подчеркнуть, что развернутый рассказ о политических событиях, который якобы заключается в документе, будучи вполне возможным для эллинистического времени, был бы почти беспрецедентным для эпиграфики V и начала IV в. до н. э. Кроме того, для получения осмысленного контекста необходимо предполагать, что строки надписи были достаточно длинны — ведь в семи строках уместилось, следуя рассмотренному предположению, сообщение о нашествии врагов, об освобождении рабов, о принесении гражданами клятвы и об отступлении неприятеля; между тем перед нами лишь небольшая часть плиты, которая, таким образом, должна была вмещать на своей поверхности множество подобных сообщений, что, как указывалось выше, плохо увязывается с ее датировкой. Однако эти соображения также не представляются нам решающими и главный наш довод состоит в том, что невозможно счесть простой случайностью то обстоятельство, что все уцелевшие буквы надписи — и притом именно в

таким расположении, какое дается обломкам, — без малейшей натяжки находят себе место в тексте упоминавшегося выше афинского постановления о мерах и деньгах. В самом деле, исходя из опубликованного текста этого декрета и дополняя обломок до 41 буквы в строке ⁴⁶, получаем следующую реконструкцию (рис. 3).

Перед нами, таким образом, седьмой по счету обломок охарактеризованного выше постановления о введении в полисах, входивших в состав Афинского морского союза, аттических мер и монеты. Остальные шесть были обнаружены в разных пунктах Эгейского бассейна и в различное

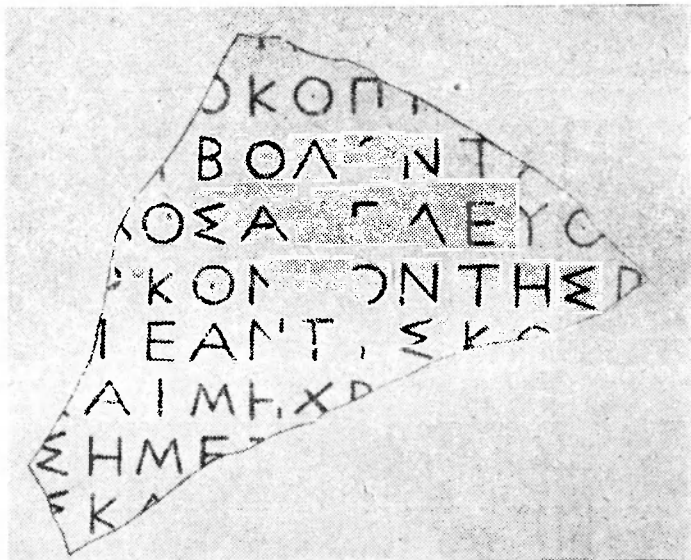

Рис. 2.

время. Один был переписан в Смирне (он был, по всей вероятности, завезен еще в древности с о-ва Пароса) уже более ста лет назад ⁴⁷; другой найден на о-ве Сифносе в конце прошлого столетия ⁴⁸; два фрагмента происходят с о-ва Симе (опубликованы в 1922 году) ⁴⁹; пятый обломок найден в Афитисе на Халкидике в 1928 г. ⁵⁰; наконец, шестой обнаружен в 1933 г. на о-ве Косе ⁵¹. Текст перечисленных обломков частично совпадает; на этом основании восстанавливается сводная редакция всей уцелевшей части надписи (в последних изданиях она разбивается для удобства цитирования на параграфы) ⁵². Новый отрывок документа следует, разумеется,

⁴⁶ Начало и конец строк можно, разумеется, представлять себе сдвинутыми на несколько букв вправо или влево.

⁴⁷ A. Baumeister, Verhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Jahrgang 1855, S. 196—197, № 22=ATL, v. II, p. 66—67, № VI.

⁴⁸ IG, v. XII, fasc. 5, pars prior, 1903, p. 123, № 480 (F. Hiller von Gaertringen)=ATL, v. II, p. 65, № V, pl. VII.

⁴⁹ N. Chabiaras, AE, 1922, p. 39—41=ATL, v. II, p. 62 and 64—65, № I and № IV, pl. VII.

⁵⁰ D. M. Robinson, AJPh, v. LVI, 1935, p. 159—164=ATL, v. II, p. 63—64, № III, pl. VI.

⁵¹ M. Segre, «Clara Rhodos», v. IX, 1938, p. 151—164=OCL, v. II, p. 63, № II, pl. V.

⁵² К сожалению, нумерация параграфов различна в разных изданиях памятника; ср. Tod, p. 164, № 67; IG, v. XII, Supplementum, p. 216—217; ATL, v. I, p. 579, T—69; v. II, p. 67—68, D—14. В дальнейшем даем нумерацию параграфов по ATL, II.

правописанию своего времени (в частности, EI передается через E, OY — через O).

Дополняя буквы, сохранившиеся на новом обломке афинского постановления о мерах и весах, на основании ранее известного текста, и одновременно разбивая последний на слова и передавая дифтонги по обычной орфографии, получаем следующую реконструкцию уцелевших строк надписи (ср. рис. 3)*:

§10

[Κατ-

αθεῖναι δὲ τὸ ψήφισμα τὸδε τοῖς ἄρχοντας τοῖς ἐν τῇσι
πόλεσιν ἀναγράφοντας ἐν στήλῃ λιθίνῃ ἐν τῇ ἀγ-
οῶν ἐκάστης τῆς πόλεως καὶ τοῖς ἐπιστάταις ἔμπροσ-
θεν τοῦ ἀργυροκόπιου ταῦτα δὲ ἐπιτελέσαι Ἀθηναίους,
§11 ἕα μὴ αὐτοῖς βοῦλάωνται. Δειθῆναι δὲ αὐτῶν τὸν κήρυκ-
§12 α τὸν ἰόντα ὅσα [χελεύει]σιν Ἀθηναῖοι προσγράψαι δὲ
πρὸς τὸν ὄρχον τῆς β[ου]λῆς τὸν γραμματεῖα τὸν τῆς
βοῦλῆς ταδ[ύ]· ἕάν τις κόπτη νομίσμα ἀργυρίου ἐν τῇσι
πόλεσιν καὶ μὴ χρῆται νομίμασιν τοῖς Ἀθηναίων ἢ
σταθμοῖς ἢ μέτροις ἀλλὰ ξενικοῖς νομίμασιν καὶ
σταθμοῖς καὶ μέτροις, τιμωρήσεται καὶ ζημιώσεται
τὰ τὸ πρότερον ψήφισμα ὃ Κλέαρχος εἶπεν.]

* В приводимой реконструкции сплошной линией подчеркнуты части текста, сохранившиеся на других обломках этой надписи (на фрагментах с о-вов Симе и Сифноса, а также из Смирны, см. ATL, v, II, p. 64—66, №№ IV—VI, pl. VII); пунктирной линией подчеркнуты буквы, впервые засвидетельствованные новым обломком. Поврежденные на камне буквы отмечены поставленными под ними точками; совершенно не поддающиеся чтению или восстановленные на основании других фрагментов знаки заключены в квадратные скобки; наконец, орфографические дополнения взяты в круглые скобки.

Сравнивая ольвийский обломок с остальными, устанавливаем прежде всего, что по применению ионийского алфавита и по способу письма наиболее близкую аналогию представляет обломок из Афитиса⁵³; там, правда, в строках, вырезанных в манере стойхедон, помещено по 42 буквы. Обломок с о-ва Коса, также исполненный по способу стойхедон, содержит именно по 41 букве в строке, но он написан аттическим алфавитом⁵⁴. Остальные обломки исполнены, как и публикуемая надпись, ионийским письмом, но буквы размещены в строках произвольно (число их колеблется от 33 до 60 в строке). По содержанию, однако, новый фрагмент сближается как раз с обломками с о-вов Симе и Сифноса, а также из Смирны; для дополнения всей надписи могут быть использованы два последних⁵⁵, а для восстановления строк 1—6, кроме того, и камень с о-ва Симе⁵⁶, прочие фрагменты приходится на другие части постановления.

Новый обломок из Ольвии не лишен значения для восстановления данной части надписи в целом, так как остальные фрагменты, содержащие текст §§ 10—12 (по ATL, 11), написаны не по способу стойхедон. К сожалению, остатки первой строки не позволяют установить, следует ли читать в § 10 ἐν τῇ ἀγορᾷ τῆς ἐκάστης πόλεως, как это делают Гиллер и Клаффенбах, Тод, Сегре и др.,⁵⁷ ἐν τῇ ἀγορᾷ τῆς πόλεως ἐκάστης, как дает свободный текст Меритта и его коллег⁵⁸, либо, наконец, ἐν τῇ ἀγορᾷ ἐκάστης τῆς πόλεως, как это можно с наибольшей вероятностью предполагать в текстах с о-вов Симе и Сифноса⁵⁹. Однако нетрудно заметить, что для восстановления в § 12 τὸν τῆς βουλῆς εἰς τὸ λοιπὸν ταῦτι, предложенного Мериттом и его сотрудниками во втором томе ATL, здесь нет места и приходится читать вместе со старыми исследователями просто τὸν τῆς βουλῆς ταῦτι⁶⁰. Не приходится и дополнять в конце § 12 ἀλλὰ ξενικοῖς νομισμασιν καὶ μέτροις καὶ σταθμοῖς, но следует καὶ σταθμοῖς καὶ μέτροις, как это и стоит на камне с о-ва Сифноса в отличие от старой копии Баумейстера с утраченной ныне надписи из Смирны⁶¹. Кроме того, новый обломок составляет еще в одном месте предпочтение старое чтение Гиллера и Клаффенбаха дополнению Меритта, Уэйд-Джери и Мак-Грегора, так как он даёт в § 12 ἐν τῆσι πόλεσιν καὶ μὴ, а не ἐν τῆσι πόλεσιν ἢ μὴ⁶². В остальном ольвийский фрагмент, к сожалению, для уточнения редакции текста афинского постановления служить не может.

Несмотря на ограниченное значение публикуемого обломка с формально-эпиграфической точки зрения, он представляет немалый исторический интерес. В самом деле, сомневаться в его ольвийском происхождении трудно, так как немало эпиграфических памятников Ольвии были приобретены покупкой в Парутине и не содержат имени города; с другой стороны, нахождение именно этого постановления афинян вдали от Афин

⁵³ ATL, v. II, p. 63—64 № III, pl. VI.

⁵⁴ ATL, v. II, p. 63, № II, pl. V.

⁵⁵ ATL, v. II, p. 65—66, №№ V—VI, pl. VII.

⁵⁶ ATL, v. II, p. 64—65, № IV, pl. VII.

⁵⁷ F. Hiller von Gaertringen und G. Klaffenbach, Das Münzrecht des ersten Attischen Seebundes, ZfN, B. XXXV, 1925, S. 218, lin. 9; cp. IG, v. XII, Supplementum, p. 216, № 4, lin. 36; № 6, lin. 37—38; p. 217, § VI, lin. 38—39; Tod, p. 164, № 67, lin. 9.

⁵⁸ ATL, v. II, p. 67, § 10; cp. p. 66, № VI, lin. 2.

⁵⁹ IG, v. XII, fasc. V, pars prior, p. 123, № 480, lin. 4—5; cp. ATL, v. II, p. 65, № IV, lin. 9; № V, lin. 4—5, pl. VII.

⁶⁰ IG, v. XII, Supplementum, p. 217, § VI, lin. 43—44; Tod, p. 164, lin. 13—14; cp. IG, v. XII, fasc. V, pars prior, p. 123, № 480, lin. 10; Dittenberger, Sylloge, v. I, ed. 3, p. 111, № 87, lin. 10; Michel, Recueil, № 1439, lin. 10.

⁶¹ ATL, v. II, p. 65, № V, lin. 14, cp. p. 66, № VI, lin. 9.

⁶² F. Hiller und G. Klaffenbach, ZfN, B. XXXV, S. 219, lin. 12.

вытекает из содержания документа и засвидетельствовано рядом других находок. Считать предложенное выше дополнение уцелевшего текста одной лишь умозрительной возможностью также не приходится, ибо не только все сохранившиеся на камне буквы, но даже самые малые штрихи точно и без натяжки укладываются в рамки текста. Но отсюда следует, что Ольвия действительно входила в течение известного времени в состав Афинского морского союза. Не имея здесь необходимости подробно останавливаться на критическом разборе всех возможностей дополнения упоминавшегося списка дани членов союза за 425—424 гг. до н. э. и в частности на анализе оспариваемого в последнее время чтения ΠΟΛΕΒ ΕΚ ΤΟ ΕΥΧΣΕΙΝΟ на обломке № 38, нельзя не подчеркнуть, что вероятность восстановления на обломке № 40 того же списка имени Ольвии значительно увеличивается.

3.

К сожалению, публикуемая надпись не позволяет с полной точностью определить время, когда Ольвия входила в состав Афинского морского союза. Дело в том, что год издания псефисмы Клеарха вызывает до настоящего времени серьезные разногласия ученых: одни, как Сегре, Робинзон, Меритт и его коллеги, склонны относить его к середине V в. до н. э. (449—448 гг.)⁶³; однако и прежняя точка зрения, согласно которой постановление в целом относится к концу первого периода Пелопоннесской войны, все еще находит сторонников⁶⁴. Нам представляется, что первый декрет, принятый по инициативе упомянутого в § 12 Клеарха, был принят вскоре после окончания Священной войны, т. е. в начале 40-х гг. V в. до н. э. При всякой другой датировке было бы крайне затруднительно объяснить давно уже замеченный перерыв в чеканке монеты многими городами, входившими в сферу афинского влияния⁶⁵. Новое подтверждение этого постановления, соблюдавшегося в годы правления Перикла не слишком строго и последовательно, имело место уже в обстановке Архидамовой войны и было, как давно уже предполагал Р. Вайль, делом Клеона и его сторонников. Но в связи с этим приходится поставить новый вопрос: входила ли Ольвия в состав Афинского союза издавна и распространялся ли на нее уже первоначальный декрет Клеарха — или же это постановление получило здесь силу только после вторичного подтверждения его афинянами, так что сама Ольвия вошла в число союзников незадолго до Никиева мира? Судить об этом затруднительно, тем более, что торговля с Афинянами, если заключать по поступлению в Ольвию аттической керамики, развивалась без скачков, равномерно и непрерывно с последних десятилетий VI и в течение всего V в. до н. э.⁶⁶, а среди прочих ольвийских надписей нет таких документов, как, например, нимфейское посвящение

⁶³ M. Segre, «Clara Rhodos» v. IX p. 165—176; H. Schaefer, «Hermes», B. LXXIV, n. 3—4, S. 253—254; E. S. G. Robinson, «Hesperia», Suppl. VIII, p. 324—340; ATL, v. I, p. 579; v. II, p. 61, 66—67; v. III, p. 281; SEG, v. X, p. 20, № 25; IG, v. XII, Supplementum, p. 217; C. Seltman, Greek Coins, p. 111—112, 155.

⁶⁴ R. Weil, ZfN, B. XXV, S. 52—58; id., ZfN, B. XXVIII, S. 351—364; IG, v. XII, fasc. V, pars prior, p. 123; F. Hiller und G. Kiaffenbach, ZfN, B. XXXV, S. 219—221; Dittenberger, Sylloge, v. I, ed. 3, p. 111, № 87; Tod, p. 163; SEG, v. III, fasc. 2, p. 131—132, № 713; E. Cavaignac, RN, 5 serie, t. XV, p. 1—7.

⁶⁵ P. Gardner, JHS, v. XXXIII, p. 147—188; id., A History of the Ancient Coinage, Oxford, 1918, p. 222—290; E. Babelon, RN, 4 serie, t. XVII, p. 457—485; C. Seltman, Greek Coins, p. 108—116, 139—155.

⁶⁶ E. А. Прушевская, Из ольвийских находок краснофигурной керамики, СА, т. VII, 1941, стр. 318; ср. E. И. Леви, МИА, № 50, стр. 59—92; М. М. Бондар, НЗ КДУ, т. XIII, вып. 10, № 5, стор. 192—201.

Гармодию⁶⁷ — самое раннее эпиграфическое свидетельство о связях Ольвии с Афинами (надгробие Сосия сына Кефала) может быть отнесено лишь весьма суммарно к V в. или к IV в. до н. э.⁶⁸ Да и имея даже возможность точно датировать упомянутое надгробие, из этого нельзя было бы сделать никакого вывода относительно времени включения Ольвии в число членов Афинского союза, так как Сосий был, разумеется, не официальным представителем Афин в Ольвии, а скорее всего купцом или путешественником, как полагал уже опубликовавший его надгробную надпись Э. Р. Штерн⁶⁹.

Приходится констатировать, что имеющихся в нашем распоряжении материалов недостаточно для точной датировки времени вхождения Ольвии в Афинский морской союз; сама надпись по характеру букв относится к концу V в. до н. э., но она представляет собою текст повторного постановления и, само собою разумеется, не старше конца 20-х гг. V в. до н. э. Было бы весьма соблазнительно использовать для решения поставленного вопроса указание Плутарха о понтийской экспедиции Перикла, но интерпретация этого важного свидетельства чрезвычайно трудна. Плутарх, как известно, говорит о действиях афинского флота на Понте довольно расплывчато и не называет ни одного населенного пункта, за исключением Синопы. Однако заинтересованность Афинской державы во второй половине V в. до н. э. в получении хлеба из приднепровских степей была настолько велика, что даже весьма скептически настроенный С. А. Жебелев склонен считать пребывание возглавленного Периклом афинского флота у северных побережий Черного моря «более чем вероятным»⁷⁰.

В последнее время, впрочем, этот вопрос был заново пересмотрен в специальной статье И. Б. Брашинского⁷¹. Автор отвергает мысль о том, что афиняне достигли северных берегов Понта Евксинского, и выдвигает против нее такие доводы. Во-первых, об экспедиции в северопонтийские воды хранит полное молчание Фукидид и остальные источники⁷². Во-вторых, такая экспедиция и насильственное включение городов Северного Причерноморья в состав Афинского союза «являлись бы явной авантюрой, противоречащей трезвой и осмотрительной политике Перикла»⁷³. В-третьих, И. Б. Брашинский подчеркивает технические трудности плавания в столь отдаленные местности и отмечает, в частности, что прямой путь через Черное море на север был во времена Перикла еще неизвестен греческим мореходам⁷⁴. Кроме того, рассматривая пребывание Перикловой эскадры в водах Черного моря в качестве эпизода Самийской войны, И. Б. Брашинский приходит к заключению, что в рамках указанных собы-

⁶⁷ В. И. Латышев, Эпиграфические новости из южной России, ИАК, вып. 10, 1904, стр. 25, № 20. Не приходится преуменьшать значение этого уникального для северного Причерноморья свидетельства о воздававшихся нимфантами почестях афинскому тираноубийце. Ср. Т. В. Блаватская, Очерки, стр. 77.

⁶⁸ IOSPE, v. I, ed. 2, № 232. Э. Р. Штерн, Новый эпиграфический материал из Ольвии, ЗООИД, т. XXV, 1904, Протоколы, стр. 92.

⁶⁹ Штерн не совсем прав, считая, что имя этого афинянина чуждо ольвийской ономастологии, так как в декрете в честь Протогена упоминается памятник героя Сосия (IOSPE, v. I, ed. 2, № 32, с. В, lin. 4), который мог быть и реальным лицом, удостоенным высших почестей после кончины.

⁷⁰ С. А. Жебелев, СП, стр. 181. Ср. также В. П. Бузескул, Перикл, Харьков, 1889, стр. 266—267; Д. П. Каллистов, Очерки, стр. 204—205; В. Д. Блаватский, Архаический Боспор, МИА, № 33, 1954, стр. 26, 40—41; Т. В. Блаватская, ЗГ, стр. 68; ее же, Очерки, стр. 65—65. Даже такой осторожный и внимательный к мелочам историк как Г. Бузольт считал пребывание Перикла у северных берегов Понта твердо установленным фактом.

⁷¹ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 110—121.

⁷² Там же, стр. 111, 116—117.

⁷³ Там же, стр. 117—119.

⁷⁴ Там же, стр. 118.

тий не находится времени для сравнительно длительного морского похода к берегам Борисфена и Боспора Киммерийского⁷⁵. Наконец, специально указывается на традиционную дружбу Афин с городами Северного Причерноморья и отмечается, что афиняне не были заинтересованы в столкновениях с местными греками⁷⁶. Все это ведет автора к заключению о том, что флот Перикла не достиг Северного Причерноморья.

Несмотря на кажущуюся стройность этой аргументации, она представляется нам не выдерживающей критики. В самом деле: почему именно Фукидид должен был сообщить об экспедиции в Понт? Ведь он касался в истории греческого мира только тех фактов, которые либо прямо относились к истории Пелопоннесской войны, либо освещали причины возникновения вражды между афинянами и спартанцами⁷⁷. Разумеется, если представить эту экспедицию как эпизод из истории подавления Самийского восстания, то следовало бы ожидать у Фукидида хотя бы краткого известия о таком важном предприятии; но ведь сама такая связь постулируется И. Б. Брашинским и никак не вытекает из источника; молчание Фукидида следует истолковать в первую очередь как аргумент против того, что поход в Черное море был частью борьбы с восставшим Самосом, но никак нельзя заключить из этого молчания, что Перикл не был, например, в Амисе или в Ольвии: ведь и о пребывании афинского флота в Синопе мы узнаем не от Фукидида, а от Плутарха. Что касается молчания последнего о пребывании Перикла у северных берегов Понта, то на этом основании было рисковано строить столь ответственный вывод — хорошо известно, что Плутарх принципиально высказывался против того, чтобы сообщать читателям «бесполезные» подробности и имел в виду при этом именно Фукидида⁷⁸; «бесполезным» же было для Плутарха все то, что не имело морально-дидактического характера. На этих достаточно известных особенностях методов работы Плутарха не стоит останавливаться подробно, и если мы позволили себе напомнить о них, то исключительно для того, чтобы не оставалось сомнений относительно того, что молчание Плутарха о каком-либо событии никак не может служить доказательством против реального существования этого события.

Вполне уместно сказать здесь же, что в тексте Плутарха можно отыскать, как нам кажется, косвенные намеки именно на пребывание афинского флота у северо-западных берегов Черного моря. Присмотримся пристальнее к его словам: «Войдя в Понт с огромным и блестяще снаряженным флотом, (Перикл) выполнил все, о чем просили (тамашские) эллинские города, и отнесся к ним благожелательно; живущим же вокруг варварским племенам (ἔθνεσι) и их царям и властителям (он) показал, как велико могущество (афинян), беспрепятственно и смело плывущих, куда им вздумается, и подчинивших себе все море; синопейцам он оставил тринадцать кораблей под начальством Ламаха и воинов против тирана Тимесилея»⁷⁹. Далее идет речь о последующих событиях в Синопе что мы можем оставить здесь в стороне.

⁷⁵ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 113—114.

⁷⁶ Там же, стр. 119.

⁷⁷ Ср. замечания С. А. Жебелева в статье, предпосланной русскому переводу «Истории» Фукидида (С. А. Жебелев, Творчество Фукидида, в книге: Фукидид, История, т. II, М., 1915, стр. XXXIV—LII). К тем же выводам приходит в своей монографии Гренди (A. Grundy, Thucydides and the History of his Age, London, 1911).

⁷⁸ Plut., Nic., I, 1; Per., I, 2—3; Tim., I, 1; Alex., I, 1—3; id., De Herod. malign., IV, XII. Сопоставление и анализ этих высказываний см. во вводной статье С. Я. Лурье к русскому переводу биографий Плутарха (Плутарх, Избранные биографии, М.—Л., 1941, стр. 13—14).

⁷⁹ Plut., Per., XX, 1. Русские переводы этого текста, к сожалению, не всегда отличаются точностью.

Прочитированный отрывок вызывает целый ряд вопросов. Прежде всего, если Перикл оставил (ἀπέλιπε) в Синопе тринадцать кораблей, то это означает, что сам он с остальными кораблями двинулся в какое-то иное место. Допустим, что эти корабли были оставлены при возвращении Перикла на родину — но что же он в таком случае делал сам и для чего отправлялся в Понт с огромным (μεγάλῳ) и блестяще снаряженным флотом? И если все действия афинян на Понте ограничивались тем, что сообщает Плутарх относительно Синопы, то как истолковать приподнятый тон, в котором выдержано это известие? Помимо этого, Перикл исполнил все угодное «городам» (πολεσίν), а не просьбу какого-либо одного города, например Синопы; да и где в окрестностях последней и вообще на северном побережье Малой Азии можно было внушить мысль об афинском могуществе «царям» (βασιλευσίν) и еще сверх того каким-то «властителям» племен (δυνασταίς)? Страбон упоминает в окрестностях Амиса в более раннее время вождя каппадокийцев (Καππαδοκῶν ἄρχοντα) и о династах здесь еще можно было бы думать, но как быть с царями? Известно, что греки не слишком охотно наделяли этим титулом предводителей различных племен, а на южном берегу Понта ни в середине V в. до н. э., ни во времена Ксенофонта мы не находим правителей, которых бы можно было без натяжки назвать «царями». Да и вообще в странах, прилежащих к Черному морю, в эпоху Перикла царями могли именоваться по преимуществу властители фракийцев-одрисов (Терей, Ситалк, Севт) и еще, пожалуй скифов (Ариапейт, Скил, Октамасад); цари синдвов были далеко, а правители Боспора Киммерийского довольствовались в эту эпоху более скромным титулом архонтов. Именно Фракия и Скифия оставили нам немало монет с именами неизвестных ближе династов и множество богатых курганных погребений, принадлежавших, судя по роскоши инвентаря, несомненно повелителям местных племен; северное побережье Малой Азии опять-таки лишено и тех, и других памятников. Но можно ли думать, что цари одрисов и скифов получили представление о могуществе и отваге афинян, если все их действия сводились к району побережья от Боспора Фракийского до Синопы? О действиях Ламаха с его тринадцатью кораблями они и узнали бы, по всей вероятности, далеко не сразу. И наконец — в чем, собственно, проявились могущество и отвага афинян, почему сказано, что они беспрепятственно и смело плывут, куда им вздумается? И неужели, если корабли Перикла дошли до Синопы, можно было бы выразиться, что им подвластно все море (πᾶσαν ὑφ' αὐτοῖς πεποιτημένων τῆν θάλασσαν)?

Каждая из этих подробностей в отдельности могла бы пройти незамеченной, но все они в совокупности ведут нас к выводу о том, что источник, из которого Плутарх почерпнул свои сведения о Понтийской экспедиции, содержал гораздо больше конкретных фактов о действиях афинского флота на Понте, чем это счел нужным включить в свой рассказ биограф Перикла. Мы не можем, к сожалению, определить, каков был этот источник⁸⁰, однако совершенно ясно, что Плутарх выбрал лишь один эпизод из целого ряда других. Добавим, что во всем известии ощущается

⁸⁰ Strab., XII, 3, 14 (текст дефектный). Ср. М. И. Максимова, АГП, стр. 53—55, 101. О нападении вифинцев на Калхедон в 416 г. до н. э. сообщает Диодор (XII, 82, 2); сведения Ксенофонта относятся к более позднему времени.

⁸¹ В. В. Латышев переводит: «подчинили себе все моря» (SC, v. I, p. 486; ср. ИО, стр. 45). Но вряд ли можно сомневаться, что в данном контексте he thalassa— это Черное море.

⁸² Источниками этой главы можно считать Эфора и Стесимброта; см. H. Sauppe, Die Quellen Plutarchs für das Leben des Perikles, Sauppes Ausgewählte Schriften, Berlin, 1896, S. 503—506; A. d. Schmidt, Perikles und sein Zeitalter, B. II, Jena, 1879, S. 247—255. Ср. G. Busolt, Gr. Gesch., B. III, S. 237—239.

явно проафинский характер: несмотря на краткость отрывка, в нем отчетливо проведена мысль о том, что действия Афин на Понте были исполнением желаний тамошних эллинских городов и что оказанная последним помощь, направленная скорее всего против варварских племен, явилась великолепной демонстрацией силы и мужества афинян, которые выступают кроме того и как освободители одного из полисов от тирании⁸³.

Не сомневаемся, что причина, по которой Плутарх из всех действий Перикла на Понте счел необходимым упомянуть только Синопу, заключалась именно в последнем обстоятельстве: что могло лучше охарактеризовать деятельность Перикла в глазах греческого читателя, как не сообщение об освобождении греческого города от тирана? В сравнении с этим бледнели действия против «варваров» — сказано, что они узнали величину могущества афинян, а более подробные сведения уже должны быть отнесены, с точки зрения Плутарха, к числу явно «бесполезных» для его целей; к тому же имена далеких греческих городов и тем более каких-либо варварских властителей не могли представить для него никакого интереса.

Касаясь сообщения Плутарха относительно Понтийской экспедиции афинян, не лишне приглядеться и к тому, в каком контексте включено оно в жизнеописание Перикла. Рассказав об установлении единовластия «первого гражданина» и приведя примеры, показывающие «образ мыслей и величие духа Перикла»⁸⁴, Плутарх вслед за этими словами пишет: «Как полководец он прославился более всего трезвой обдуманностью» и приводит пример, подтверждающий осторожность Перикла⁸⁵, а далее переходит к краткой характеристике удачных походов, осуществленных афинянами под его руководством; таких примеров приводится три. Два из них помещены в 19 главе: во-первых, поход на помощь эллинам, живущим на Херсонесе фракийском⁸⁶; во-вторых, морской поход вокруг Пелопоннеса, в ходе которого отдельно названы сражение в Немее с сикионянами, переправа воинов из Ахей на противоположный материк и набег на Акарнанию⁸⁷. Вслед за этим идет процитированное выше место — сообщение о Понтийской экспедиции и, как и в предыдущем примере, один подробно освещенный эпизод — действия афинян в Синопе⁸⁸. После приведенных им примеров удачных походов, Плутарх пишет: «В других же случаях он противодействовал увлечениям сограждан» — и снова приводятся примеры: Перикл сдерживал стремления афинян продолжать борьбу в Египте, уже приведшую однажды к поражению, а также не одобрял попыток завладеть Сицилией, поскольку это было связано с неминуемым конфликтом с Пелопоннесским союзом⁸⁹. Ход мысли Плутарха в дальнейшем изложении нас в данном случае не занимает.

Из всех изложенных выше наблюдений следует, как нам кажется, два

⁸³ В. Ю. Виппер полагал даже, что выражения Плутарха, «носящие характер торжественных формул, принадлежат программной речи Перикла» (Р. Ю. Виппер, История Греции в классическую эпоху, М., 1916, стр. 282); учитывая наличие в биографии Перикла отрывков из его речей (H. Sauppe, S. 498—499), это предположение можно считать вполне вероятным; источником, сохранившим эти речи, мог бы быть скорее Эфор, как полагал Зауппе (S 506), чем Дурис (ср. F. Rühl, Über die Quellen des Plutarchischen Perikles, NJ, B. 97, 1868, S. 665) или Стесимброт (Ad. Schmidt, S. 250); афинофильство Эфора хорошо известно; см. E. Schwartz, Ephoros, RE, B. IV, Sp. 1—16.

⁸⁴ Plut., Per., XV—XVII; ср. Ad. Schmidt, S. 27 ff.

⁸⁵ Plut., Per., XVIII; ср. Ad. Schmidt, S. 247 ff.

⁸⁶ Plut., Per., XIX, 1—2 (ср. Diod., XI, 88, 3). Этот поход относится к лету 447 г.

до н. э.

⁸⁷ Plut., Per., XIX, 2—4 (ср. Thuc., I, 111, 2; Diod., XI, 85; 88). Поход был предпринят летом 453 г. до н. э.

⁸⁸ Plut., Per., XX, 1—2.

⁸⁹ Plut., Per., XX, 3 — XXII, 1.

заклучения. Во-первых, Плутарх относил Понтийскую экспедицию к числу главных и притом успешных походов Перикла. Во-вторых, он отчетливо противопоставляет удачные и смелые действия Перикла на Понте и его сдержанность по отношению к Египту и Сицилии. Из первого наблюдения следует, что масштаб Понтийской экспедиции должен быть сравнимым с хорошо известным морским походом Перикла вокруг Пелопоннеса и она никак не могла быть каким-то привеском к Самийской войне; этим еще раз подтверждается полученный прежде вывод о том, что источник Плутарха сообщал о Понтийской экспедиции достаточно материала, на основании которого последний мог придти к сопоставлению ее с походом вокруг Пелопоннеса. Из второго наблюдения можно видеть, насколько искусственна аргументация И. Б. Брашинского, который полагает, что умеренность Перикла в отношении Египта и Сицилии доказывает, что он не мог стремиться к вовлечению в Афинский союз городов Северного Причерноморья⁹⁰.

Это возвращает нас к другим доводам И. Б. Брашинского против пребывания Перикла у северных берегов Черного моря. Признаемся, нам не вполне понятно, почему автор несколько раз подчеркивает невозможность насильственных действий Перикла по отношению к северопонтийским городам и развивает мысль о невыгодности для Афин «силой подчинять себе территории в Северном Причерноморье». Ведь единственный источник, Плутарх, говорит о прямо противоположном — о выполнении желаний припонтийских городов, о проявленной к ним благожелательности. Враждебной экспедиция Перикла была, как правильно указывалось⁹¹, по отношению к причерноморским «варварам» — но ведь об их включении в Афинский союз не может быть речи⁹². А что мешает принять, что теснимая фракийцами Аполлония⁹³ или Ольвия, отношения которой к скифским царям несомненно резко ухудшились после замены Скила Октамасадом⁹⁴, действительно обратилась за помощью к Афинам, с которыми у этих городов существовали прочно налаженные связи и метрополия которых, Милет, давно являлась членом Афинского союза?

В связи со сказанным, мы отвергаем и то соображение, что присоединение северо-понтийских городов к Афинскому союзу было бы безответственной авантюрой, к которой Перикл не был склонен. Но не говоря уже о том, что при таком подходе к вопросу Перикл наделяется всеми атрибутами абсолютного монарха⁹⁵, мы решительно не видим никакого «авантюризма» во включении в число членов союза западно-понтийских городов и тесно связанной с ними в этот период Ольвии. Да и вообще аргу-

⁹⁰ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 117. Скорее напротив: потерпев неудачу на юге и понимая, что движение на запад может привести к войне, Перикл именно и должен был стремиться к максимальному укреплению афинских позиций на севере.

⁹¹ В. Д. Блаватский, МИА, № 33, стр. 43; В. Ф. Гайдукевич, АГСП, т. I, стр. 101.

⁹² Впрочем, слова Плутарха о том, что Перикл обладал гегемонией не только над греками, но и над варварами, причем опирался на дружественные отношения с царями и на союзы с династиями (Plut., Per. XV, 1) можно сопоставлять с тем, что в списках членов Афинского союза фигурируют многие династии Карики (ATL, v. 111, p. 153 и весь экскурс о демократии в союзных городах, p. 149—154). Кого следует понимать в этом месте под «царями», сказать с уверенностью трудно; не Ситалка ли?

⁹³ Ср. Т. В. Блаватская, ЗГ, стр. 54 слл.

⁹⁴ Her., IV, 78—80. Скила, перстень с именем которого был найден недалеко от места его гибели, у устьев Дуная, приходится считать реальной личностью. К сожалению, нам неизвестно, когда началось правление Ситалка, умершего в 424 г. до н. э. (Thuc., IV, 101, 4; ср. II, 29; 67; 95—101).

⁹⁵ Такая недооценка демократических учреждений Афинской республики и приписывание лично Периклу всех мероприятий афинян были справедливо подвергнуты критике еще В. П. Бузескулом в его монографии о Перикле.

ментация И. Б. Брашинского заставляет думать, будто Афины в 40-х и 30-х гг. V в. были принципиальными противниками расширения союза, что, однако, полностью противоречит фактам. К тому же известно, что Аполлония (а быть может и Каллатия и Истрия) стала членом Афинского союза скорее всего как раз в годы экспедиции Перикла⁹⁸: почему следует обязательно отвергать естественное предположение о том, что двинувшись с флотом вдоль западного берега Черного моря⁹⁷ и достигнув Аполлонии, Перикл двинулся и далее на север? Разумеется, если рассматривать всю Понтийскую экспедицию как эпизод Самийской войны, да притом еще не занимавший «особо важного места в афинской внешней политике»⁹⁸, то для плавания на север не остается времени; но ведь весьма шаткая гипотеза о связи экспедиции в Понт с подавлением восстания Самоса, выдвинутая еще А. Циммерном⁹⁹. не получила поддержки в научной литературе, а о важности Понтийской экспедиции для афинян достаточно много говорит сам И. Б. Брашинский¹⁰⁰. И действительно — после неудачи в Египте для Афин было жизненно важно закрепиться в двух остальных районах, откуда можно было получать достаточное количество дешевого зерна, т. е. в Сицилии и у берегов Причерноморья; как бы мы не оценивали роль еврейского хлеба для Аттики¹⁰¹. все же только сицилийская или северопонтийская пшеница могла решить зерновую проблему для Афин как города и для Афинской державы в целом¹⁰². И если даже верно, что Перикл был против необдуманной политики на западе¹⁰³, поскольку она была чревата военным конфликтом с могущественным Пелопоннесским союзом, то Понтом Перикл и афиняне интересовались весьма серьезно, особенно после того, как выяснилась ненадежность Византия, державшего в своих руках путь на север¹⁰⁴.

Наконец, мы считаем решительно неверным, будто между Афинами и всеми северопонтийскими городами с древнейших времен всегда существовали только дружественные отношения. Т. В. Блаватская показала, что именно в эпоху расцвета Афинского союза Боспор и Афины находились, если не в открыто враждебных, то во всяком случае в очень натянутых отношениях¹⁰⁵, и поскольку ее аргументация представляется нам

⁹⁸ Т. В. Блаватская, ЗГ, стр. 69. Ср. E. Condurachi, *Scurt istorie al cetatii Histria, «Histria», v. I, 1955, p. 22—23.*

⁹⁷ В связи с этим отпадает возражение И. Б. Брашинского, указывающего, что во времена Перикла не был освоен краткий путь через Черное море (ВДИ, 1958, № 3, стр. 118). Но откуда известно, что Перикл отправился прямо на север от Синопы? Да и зачем было ему устремляться к Крыму, где еще не существовало Херсонеса? Ольвии, во всяком случае, афинянам было удобнее достигнуть, продвигаясь вдоль западного берега Понта, который давно находился в сфере их интересов; прямое плавание от Синопы к Ольвии считалось подвигом еще во времена Мифрадата (ср. IOSPE, v. I, ed. 2, № 35).

⁹⁸ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. III.

⁹⁹ A. Zimmermann, *The Greek Commonwealth*, Oxford, 1924, p. 362, note.

¹⁰⁰ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 115, 116, 117, 119, 120—121.

¹⁰¹ F. Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, B. I, Leiden, 1938, S. 329.

¹⁰² Эта точка зрения разделяется всеми советскими учеными; из зарубежных работ см. в особенности A. Grundy, *Thucydides and the History of his Age*, p. 74 sqq; p. 157 sqq.

¹⁰³ Личная сдержанность Перикла в этом вопросе не помешала Афинам заключить договор с Эгестой (IG, v. I², 19), вывести колонию в Фурии (сводка источников и разбор см. у Бузольта, *Gg. Gesch.*, B. III, S. 518—541) и связать себя договорами с мессапиями и рядом городов Великой Греции. На это обратил внимание еще М. Дункер (M. Dunscker, *Des Perikles Fahrt in den Pontus*, SPAW, Jahrgang 1885, B. II, S. 535), ср. также Н. Т. Wade-Gery, *Thucydides the Son of Miesius*, JHS, v. LII, 1932, p. 205—227.

¹⁰⁴ M. Delkourt, *Péricles*, Paris, 1940, p. 154—155; В. П. Невская, *Византизм в классическую и эллинистическую эпохи*, М., 1953, стр. 86; И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 115.

¹⁰⁵ Т. В. Блаватская, *Очерки*, стр. 54—67.

вполне убедительной, на этом нет смысла останавливаться. Но все это в целом ведет нас к принятию традиционной точки зрения, т. е. другими словами мы принимаем, что пребывание Перикла с флотом у северозападных берегов Черного моря (а быть может и в самой Ольвии) является вполне возможным.

Признавая вероятным, что афинская эскадра во главе с Периклом, — последнее обстоятельство, как справедливо отмечалось в литературе, свидетельствует о значении, какое придавали в Афинах походу на Понт¹⁰⁶, — была в Ольвии или неподалеку от нее, было бы, разумеется, необыкновенно заманчиво сопоставить это с установленным выше вхождением Ольвии в число афинских союзников. Вероятность того, что Ольвия стала союзным государством именно в момент пребывания поблизости афинской военной эскадры и не без прямого либо косвенного воздействия этой внушительной силы, настолько велика, что пренебрегать ею не приходится. Однако и дата предпринятой Периклом экспедиции дана Плутархом очень неопределенно, и в научной литературе существуют на этот счет различные точки зрения. М. Дункер приводил в свое время аргументацию в пользу весны или лета 444 г. до н. э., с чем соглашались, например, В. В. Латышев и Э. Миннз¹⁰⁷. Однако Ю. Белох с большим остроумием показал, что экспедиция должна быть относима к середине 30-х гг. V в. до н. э.¹⁰⁸, к такому взгляду присоединились вскоре Г. Бузольт, Эд. Мейер, М. И. Ростовцев и ряд других специалистов, так что в общей и справочной литературе господствующей стала дата «около 437 г.» или «между 440 и 434 г.»¹⁰⁹. Особняком стоит мысль, высказанная у нас Б. Н. Граковым: последний считает, что Периклом было организовано по крайней мере две экспедиции в Понт — первая, около 445 г., «для водворения порядка по просьбе греческих городов» и вторая, в середине 30-х гг. «для высылки на Понт колоний»; несмотря на искусственность этой гипотезы ее поддержали многие советские ученые и лишь И. Б. Брашинский справедливо указал на ее шаткость¹¹⁰. На Западе, однако, в последние годы стали выдвигать еще более ранние даты — 450 г., даже 453 г.¹¹¹ и Б. Д. Меритт очень резко колеблется между датами «около 450 г.» «около 435 г.», так и не решаясь придти к твердому заключению¹¹².

Нам представляется однако, что к настоящему времени изучение этого вопроса настолько продвинуто, что можно попытаться придти к более

¹⁰⁶ F. Miltner, Perikles, RE, V. XIX, Sp. 774; ср. L. Homo, Périclès, p. 188.

¹⁰⁷ M. Düncker, SPAW, 1885, V. II, S. 534—542; id., Geschichte des Altertums, NF, V. II (IX), Leipzig, 1886, S. 106—107, Anm. 1; В. В. Латышев, ИО, стр. 46; E. H. Minns, Scythians and Greeks, p. 447, 561.

¹⁰⁸ J. Beloch, Die Attische Politik seit Perikles, Leipzig, 1884, S. 325; id., Griechische Geschichte, V. II, Abt. 1, Berlin, 1927, S. 198—199; Abt. 2, Strassburg, 1916, S. 216.

¹⁰⁹ G. Busolt, Gr. Gesch., V. III, T. 1, S. 585, Anm. 2; E. Meyer, Gesch. des Altertums, V. IV, 1 Abt., S. 725—726; M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, p. 67; id., SAN, v. VIII, 1930, p. 564; G. Glotz, Histoire grecque, v. II, Paris, 1931, p. 211; F. Miltner, Perikles, RE, V. XIX, Sp. 774—775; H. Nesselhauf, «Klio», Beiheft XXX, S. 55, Anm. 1; C. Mackenzie, Pericles, London, s. a., p. 236—238; G. de Sanctis, Pericle, Milano, 1944, p. 178; L. Homo, Périclès, p. 188—189; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 52; В. Д. Блаватский, МИА, № 33, стр. 26, 41; В. П. Невская, Византий, стр. 85; Т. В. Блаватская, ЗГ, стр. 69.

¹¹⁰ Б. Д. Граков, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238; ср. Д. П. Каллистов, Очерки, стр. 204—205; Т. В. Блаватская, ЗГ, стр. 69—70; М. И. Максимова, АГ, стр. 98, прим. 1 и мн. др. См. И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 113.

¹¹¹ J. H. Oliver, The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles, «Historia», V. VI, H. 2, 1957, p. 254—255; A. Weizsäcker, Untersuchungen über Plutarchs biographische Technik, s. I., 1931, S. 85—86. К 453 г. до н. э. относил экспедицию еще Шмидт (Ad. Schmidt, Perikles, V. I, Jena, 1877, S. 70; V. II, 1879, S. 250).

¹¹² ATL, v. III, p. 114—117; ср. сборник «Древняя Греция», М., 1956, стр. 351 и 232.

определенному выводу. Против более ранней даты решительно говорят соображения, связанные с тем обстоятельством, что Ламах, который командовал во время Понтийской экспедиции Перикла отдельной эскадрой, действовавшей против синопского тирана Тимесилая¹¹³, был в 450 г. до н. э. слишком молод для выполнения такого ответственного военно-политического поручения. В самом деле, в «Ахарнянах» Аристофана, поставленных в 425 г. до н. э., он причислялся к *νεανιαί*, а еще десятилетием позже, в год Сицилийской экспедиции Ламах именуется (в сравнении с Алкивиадом, родившимся в 450 г.) уже *ῥήλικαι προήκων*¹¹⁴. Отсюда Белох заключал с полным основанием, что ему было в середине V в. до н. э. не более 20 лет, а так как известно, что Ламах был незнатен и беден¹¹⁵, то вряд ли можно допустить, что он мог быть поставлен в 450 г. во главе самостоятельной эскадры из 13 боевых кораблей, имевшей к тому же не столько военные, сколько политические задачи. Кроме того, недавно было обращено внимание на то, что Ламах, принадлежавший к одной филе с Кимоном, который был несомненно стратегом в 450 г. до н. э., никак не мог быть в числе стратегов упомянутого года¹¹⁶. Но поскольку доказано, что экспедиция Перикла не может быть относима к ближайшим после 449 годам, так как персы несомненно отнеслись бы к появлению афинского флота у южнопонтийского побережья как к злостному нарушению только что заключенного Каллиева мира¹¹⁷, то остается допустить, что эта экспедиция имела место либо до 450 г., как и принимали А. Шмидт и А. Вейцзекер, либо уже в 30-х гг. V в. до н. э. Первому предложению противоречат, однако, изложенные выше соображения относительно возраста Ламаха, и поэтому необходимо согласиться с теми, кто присоединяется — иногда, впрочем, с незначительными уточнениями — к установленной Ю. Белохом дате. Эта последняя представляет еще и то преимущество, что Понтийская экспедиция тесно увязывается с такими событиями, как основание Амфиополя и выведение колонистов в Астак, т. е. выступает как один из эпизодов активизации Афин на севере, имевшей место в промежутке между подавлением Самийского восстания и резким обострением отношений с Пелопоннесским союзом. Не приходится поэтому удивляться, что отнесение Перикловой экспедиции к 30 гг. V в. до н. э. чаще всего встречается в справочных пособиях и в общей литературе¹¹⁸ — оно лучше всех прочих согласуется с фактами и имеет за собой наибольшую внутреннюю вероятность.

Следует заметить, что очень близкую к общепринятой дату Понтийской экспедиции защищает И. Б. Брашинский, относящий ее к 439 г. до н. э. Как отмечалось выше, автор считает ее одним из эпизодов Самийской войны¹¹⁹. Но возможно ли это? Нам представляется, что такое предположение нельзя увязать с источниками, рассказывающими об этих событиях.

Согласно Фукидиду, Диодору и Плутарху, восстание Самоса было

¹¹³ Plut., Per., XX, 1—2; ср. М. И. Максимова, АГ, стр. 97—99.

¹¹⁴ Aristoph., Acharn., v. 600—601; Plut., Alcib., XVIII, 2.

¹¹⁵ Plut., Nic., XV, 1.

¹¹⁶ ATL, v. III, p. 116, note 6. Упомянутая авторами статья Эренберга осталась нам недоступной.

¹¹⁷ ATL, v. III, p. 116.

¹¹⁸ Всемирная история, т. II, М., 1956, стр. 55; История древнего мира под ред. С. И. Ковалева, т. III, ч. 2, М. (ГАИМК), 1937, стр. 35; В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1948, стр. 222 и 354; Р. Ю. Виллер, История Греции, стр. 281; Р. Пельман, Очерк греческой истории, СПб., 1910, стр. 164; САН, т. V, 1927, p. 173—174; Peuples et civilisations, Histoire générale, v. II, Paris, 1928, p. 163—164; Clio. Introduction aux études historiques, La Grèce etc., Paris, 1948, p. 207. Ср. также литературу, указанную в прим. 108—109.

¹¹⁹ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 113—114.

серьезной угрозой для афинского могущества¹²⁰. Начавшись из-за столкновения Самоса с Милетом, оно было вначале быстро ликвидировано афинским флотом, во главе которого стоял Перикл, который при этом случае передал власть на Самосе демократам. Но бежавшие в Малую Азию самийские олигархи не сложили оружия: с помощью персидского сатрапа Писсуфна они освободили своих заложников, вывезенных Периклом на Лемнос, перебили афинский гарнизон и провозгласили независимость Самоса. При этом их поддержал Византий¹²¹.

Теперь потребовалось напряжение всех сил Афинской державы для подавления восстания, исход которого был, по словам Плутарха, «совершенно неясен и грозил величайшей опасностью». Перикл двинулся с шестидесятью кораблями к Самосу и, хотя ему пришлось отправить шестнадцать из них к побережью Карию, откуда грозило нападение финикийского флота, шедшего на помощь к восставшим, он разбил у острова Трагии превосходящие силы самиян. Получив подкрепления, афиняне начали осаду города Самоса, причем сам Перикл отправился снова-таки к Карию; в это время самияне совершили удачную вылазку и прорвали блокаду. По прибытии Перикла и новых подкреплений Самос был снова осажден и капитулировал на девятом месяце осады; вслед за этим покорились и византийцы¹²².

Мы сознательно привели здесь краткую справку о подавлении Самийского восстания: из приведенного обзора очевидно, что до взятия Самоса Перикл никак не мог отвлечься от своих задач походом в Понт, да и внимание его было все время приковано к югу, где отложились карийские города и откуда самияне ожидали персидской помощи. Действительно, после подавления восстания особый Карийский округ Афинского союза был ликвидирован¹²³. Но можно ли в таком случае предполагать, что лично Перикл сразу же после девятимесячной осады Самоса отправился не на юг, в Карию, где положение дел несомненно требовало вмешательства авторитетного руководителя Афинской державы, а немедленно двинулся в новый поход на север, и притом не к халкидским городам и не к Византию, которые за это время отпали от союза¹²⁴, но устремился в далекий Понт и доплыл даже не только до Синопы и Амиса, как принимает И. Б. Брашинский¹²⁵, но и гораздо дальше на север? Не был бы такой поход в этих условиях сопряжен с таким риском, которого осторожный Перикл никогда бы себе не позволил?

¹²⁰ Thuc., VIII, 76, 4; Plut., Per., XXVIII, 8; G. Busolt, Gr. Gesch., V. III, T. 1, S. 541—554. Значение Самийского восстания общепризнано; из литературы последних лет см. особенно E. Will, Notes sur la defection de Byzance en 440—439 av. n. e., BS, 1948, № 5, p. 145—147; насколько нам известно, только Нессельгауф пытался представить это восстание важнейшего из членов союза небольшим (ср. «Klio», Beiheft XXX, S. 48—51). Критику этой точки зрения см. В. П. Невская, Византий, стр. 83—84.

¹²¹ Thuc., I, 115, 2—5; Plut., Per., XXV, 1—5; Diod., XII, 27, 1—3. Эти события относятся к весне 440 г. до н. э.

¹²² Thuc., I, 116, 1—117, 3; Plut., Per., XXV, 6—XXVIII, 7; Diod., XII, 28 (прочие свидетельства, большей частью отрывочные, сопоставлены Бузольтом). Отправление Перикла в поход относится к июлю 440 г. до н. э., а капитуляция Самоса — к весне следующего года; после возвращения Перикл произнес речь над павшими афинянами (Plut., Per., 28, 4—5), ввиду чего следует принимать, что он вернулся в Афины прежде покорения Византия, и уж во всяком случае не мог, как это изображает И. Б. Брашинский, побывать в Синопе на пути от Самоса к берегам Аттики.

¹²³ G. Busolt, Der Phoros der athenischen Bündner von 446 bis 426, «Philologus», V. XLI, 1882, S. 668—673; ATL, v. I, № 17; v. III, p. 64—67. Нессельгауф и в этом случае стремится доказать, что уничтожение Карийского округа не было связано с отпадением карийских городов, однако доводы его весьма искусственны.

¹²⁴ G. Busolt, Die Chalkidischen Städte während des Samischen Aufstandes, RM, NF, V. XXXVII, 1883, S. 307—308; В. П. Невская, Византий, стр. 82—85.

¹²⁵ И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958 № 3, стр. 114; ср. М. И. Максимова, АГ, стр. 98—102.

И. Б. Брашинский утверждает, что известная надпись со списком афинян, павших на Геллеспонте, должна относиться к осаде Византия во время Самийского восстания. Это, несмотря на не умолкнувшие до последнего времени возражения, вполне возможно¹²⁶. Но если осада Византия потребовала от афинян новых жертв и затраты времени, то как бы мог Перикл отправиться в Понт, оставляя в тылу еще дымящийся кровью Самос и только что возвращенные в состав союза халкидские города и особенно Византий, державший в руках ключ от черноморских проливов? Ведь это и было бы именно авантюрой, совершенно не вяжущейся ни с политикой Перикла, ни со спокойным и торжественным тоном плутархова рассказа о Понтийской экспедиции, ни с тем местом, какое он занимает в биографии Перикла. Поэтому мы никак не можем согласиться с автором и полагаем, что лето 439 г. до н. э. не «наиболее вероятная» дата Понтийской экспедиции, а именно наиболее невероятная. Только тогда, когда позиции афинян в проливах были упрочены, когда были основаны Амфиполис и Астак¹²⁷, только теперь мог и должен был Перикл попытаться утвердить афинское могущество на Понте. В силу этого традиционная дата (около 437—435 гг. до н. э.) является наиболее вероятной датой экспедиции афинян в Черное море¹²⁸.

Все сказанное можно подтвердить еще и с другой стороны. В самом деле, если считать, что города северозападного Понта вошли в состав Афинского морского союза в период экспедиции Перикла, а дату последней отодвигать к середине V в. до н. э., то невольно бросается в глаза то обстоятельство, что припонтийские города упоминаются в списках дани лишь за 425—424 и быть может еще только за 421—420 гг.¹²⁹; к лету 424 г. до н. э. относятся и свидетельства Фукидида, Диодора и Юстина о сборах фороса на Понте, осуществленных Ламахом в бытность его стратегом¹³⁰. Наконец, к последним годам существования Афинской державы

¹²⁶ IG, v. 1², 943; ср. И. Б. Брашинский, ВДИ, 1958, № 3, стр. 113—114 и указанную в прим. 14 литературу; см. также В. П. Невская, Византий, стр. 81—85.

¹²⁷ Связь между этими событиями и экспедицией в Понт подчеркнута Ю. Белухом, Г. Бузольтом и другими исследователями; основание Амфиполя относится к лету 436 г. до н. э., выведение колонии в Астак — к 435/34 г. до н. э.; наиболее вероятное время экспедиции в Понт — лето 436/35 г. до н. э. Говоря о включении Ольвии в состав союза в это время, нельзя не заметить, что Астак, эпоним одноименного города, был согласно мифу сыном Посейдона и нимфы Ольвии; некоторые ученые выдвигали предположение, что город Астак был переименован афинянами в Ольвию, ср. W. Ruge, *Astakos*, RE, V. II, Sp. 1774—1775; id., *Olbia*, RE, V. XVII, Sp. 2403—2404; H. Stoll, *Astakos*, ALM, V. I, Sp. 645; id., *Olbia*, ALM, V. III, Sp. 829; J. Toepffer, *Astakos*, «Hermes», V. XXXI, 1896, S. 124—136.

¹²⁸ Заметим, что эта экспедиция была тесно связана со стратегическими планами Перикла; решаясь предоставить сельскую Аттику вражеским нашествиям, Перикл должен был обеспечить доставку хлеба в Афины, куда должны были укрыться жители окрестных сел и местечек. И если «длинные стены» надежно защищали город и гарантировали его снабжение через Пирей, то требовались гарантии и в том, что хлеб будет в достаточном количестве поступать в пирейскую гавань. Установление особых «геллеспонтофилаков» в проливах, соединяющих Эгейское море с Черным, и вменение им в обязанность пропускать хлеб только в Афины и лишь в отдельных случаях — на территорию некоторых союзных городов, наглядно показывает, откуда рассчитывали афиняне получать зерно и другие необходимые товары; но если роль Понта была столь велика, то вовлечение некоторых припонтийских городов в состав Афинского союза было не прихотью Перикла, а одним из существенных звеньев афинской политики, как это, впрочем, вытекает и из того места, какое занимает поход в Понт в композиции плутарховой биографии.

¹²⁹ ATL, v. I, № 34; v. II, p. 34, col. III, lin. 78.

¹³⁰ Thuc., IV, 75, 1—2 (ср. IV, 52, 2—3); Dioid., XII, 72, 4; Just., XVI, 3, 9—12. Не является ли упоминаемый Фукидидом Аристид, коллега Ламаха по должности в 425/24 гг. до н. э., именно тем Аристидом, который «умер на Понте, куда он отправился на корабле для взъяснения государственных долгов», и которого сообщающий об этом Плутарх (или его источник) спутал с известным Аристидом сыном Лисимаха, соперником Фемистокла? Ср. Plut., Arist., XXVI, 1. Впрочем, У. Келер и ряд других ученых

должно быть отнесено известие Кратера относительно уплаты Нимфеом таланта дани афинянам¹³¹. Ввиду этого уже У. Келер справедливо заметил, что попытка привлечь понтийские города к уплате фороса была по-видимому предпринята лишь при раскладке его в год архонта Стратокла, в 425—424 гг. до н. э.¹³² Но если относить экспедицию Перикла к 450 г. до н. э., то такой разрыв между временем включения городов Причерноморья в состав Афинского морского союза и временем внесения их в списки плательщиков дани объяснить было бы затруднительно; напротив, если экспедиция Перикла состоялась в середине 30-х гг. V в., то ранее 427 г. их, собственно говоря, и невозможно было заставить вносить форос, так как внимание и силы Афин уже с конца 30-х годов были скованы неумолимо надвигавшимся конфликтом с Пелопоннесским союзом, а затем и самой войной. Лишь тогда, когда победа Клеона и его сторонников привела к активизации всей внешней политики Афин, когда было жестоко подавлено выступление митиленян, — только тогда создались условия, позволившие сделать вполне реальным участие городов дальнего севера во всех тяготах, приходившихся на долю афинских союзников.

Из всего сказанного вытекает, что наиболее вероятным можно считать, что Ольвия вошла в состав Афинского морского союза именно в период Понтийской экспедиции Перикла, которую следует датировать скорее всего 437—435 гг. до н. э. При этом следует, однако, допускать, что в течение нескольких лет зависимость от Афин была чисто номинальной и стала вполне ощущаться лишь со времени включения ольвиополитов в списки плательщиков фороса. Вряд ли можно также полагать, что дань в один талант — если верить, разумеется, восстановлению Келера в списке дани за 425—424 гг.¹³³ — была столь непосильно тяжела для Ольвии, как это представлял себе акад. С. А. Жебелев. Скорее даже напротив: следовало бы объяснять не чрезмерно высокую, а явно заниженную сумму ольвийского фороса; это находил себе, однако, естественное объяснение в том, что Афины были заинтересованы в получении с берегов Борисфена не денег, но дешевого зерна.

Пребывание ольвиополитов в числе афинских союзников было относительно недолгим эпизодом в истории их взаимоотношений с Афинами. В самом деле, уже события 411—410 гг. до н. э., когда Византий и Кизик перешли на сторону Спарты, подорвали господство Афин в проливах, — а следовательно и на Понте, — и если даже считать, что победы Алкивиада временно исправили положение в водах Пропонтиды в пользу афинян, то после 405 г. Афинский союз прекращает свое существование¹³⁴. Ольвия была, таким образом, членом союза на протяжении примерно 25 лет,

считали возможным относить свидетельство Плутарха к Аристиду Алопекскому: U. Köhler, AAWB, 1869, V. I, S. 113—114; Judeich, Aristides, RE, V. II, Sp. 883; A. Grundy, Thucydides and his Age, p. 164—165. Если бы этому свидетельству можно было доверять, то оно могло бы быть истолковано в том смысле, что Ольвия вошла в число союзников еще задолго до Понтийской экспедиции Перикла; однако Крех показал, что сообщение Плутарха должно быть отнесено к другому Аристиду (P. Kersch, De Crateri psephismaton synagoge, s. l., 1888 (Diss.), p. 64—66).

¹³¹ Krateros, frg. 8 (Krech); SC, v. I, p. 390, ср. p. 589.

¹³² U. Köhler, AAWB, 1869, V. I, S. 74—75; M. Duncser, SPAW, 1885, V. II, S. 546; В. В. Латышев, ИО, стр. 47; В. П. Бузескул, Перикл, стр. 268. В последнее время было высказано предположение, что припонтийские города стали платить форос на два-три года ранее указанной в тексте даты, см. H. Nesselhauff, «Клио», В. XXX, S. 112—113.

¹³³ The Athenian Assessment, p. 69, col. IV, lin. 522 (frg. 40).

¹³⁴ Окончательное уничтожение Афинского союза приходится на время капитуляции Афин, однако Византий и Калхедон перешли на сторону Спарты еще в 405 г. до н. э., при приближении к их территории эскадры Лисандра. О событиях в проливах в конце Пелопоннесской войны см. В. П. Невская, Византий, стр. 86—96, а также соответствующие разделы в трудах Ю. Белоха, Эд. Мейера и др.

между 435 и 410 гг. до н. э. После этого торговые интересы афинян в Северном Причерноморье направились в другую сторону, в район Меотиды и Боспора Киммерийского¹³⁵. Это обстоятельство отразилось и в литературной традиции: если для Геродота главный интерес сосредоточен вокруг «торжища Борисфенитов» и скифских племен, то автор Перипла, известного под именем Скилака, но составленного в IV в. до н. э., напротив, совершенно игнорирует существование Ольвии, но зато подробно описывает Крым и побережье Азовского моря. Нельзя не согласиться, что это свидетельствует о своеобразной переориентации афинских купцов в конце V в. до н. э. от берегов Гипанида и Борисфена к устью Меотиды¹³⁶, хотя, конечно, не следует представлять дело так, что в IV в. прекратилась всякая торговля Афин с Ольвией¹³⁷.

4.

Предполагая возможным пребывание афинского флота во главе с Периклом в Ольвии или поблизости от нее и связывая это с последовавшим затем включением Ольвии в состав Афинского морского союза, мы не можем не отметить, что этому предшествовала определенная подготовка.

Имеем в виду пребывание в Ольвии Геродота, относительно реальности которого в последнее время не высказывается сомнений¹³⁸. Эту поездку Геродота в далекую Скифию не приходится отрывать от всей политики Афин в Северном Причерноморье¹³⁹. Действительно, близость Геродота к Афинам давно и достаточно убедительно доказана¹⁴⁰, а тенденциозность его умолчания о Боспорском государстве бросается в глаза и сама говорит за себя, особенно если учесть, что о боспорских городах был хорошо осведомлен уже Гекатей¹⁴¹. Зато об Ольвии Геродот говорит много и охотно. Если присмотреться, однако, к всем тем местам, где у Геродота идет речь об Ольвии, нетрудно подметить, что он как бы намеренно избегает

¹³⁵ В. Ф. Гайдукевич, БЦ, стр. 64—70; С. А. Жебелев, СП, стр. 128—129.

¹³⁶ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 18—19, 23—25.

¹³⁷ М. М. Бондар, НЗ КДУ, т. XIII, вып. 10, № 5, стор. 199—200. О пребывании афинских купцов в Ольвии в IV в. до н. э. свидетельствует и дарование проксении двум афинянам, см. Е. И. Леви, К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э., СА, т. XXVIII, 1958, стр. 235—238. Следует ли из этого, однако, что наблюдение М. И. Ростовцева (см. предыдущее примечание, также САН, VIII, р. 566—567) следует совершенно отбросить? Нам представляется, что несмотря на сохранение торговых связей с Ольвией, все же своеобразная переориентировка афинских купцов на Боспор имела место. Ср. Т. В. Блаватская, Очерки, стр. 71 слл., 114 слл.

¹³⁸ Например, F. Jacoby, Herodotos, RE, Suppl. II, Sp. 252, 256—258; W. W. How and J. Wells, A Commentary on Herodotos, v. I, Oxford, 1912, p. 429—434; Ph. E. Legrand, Herodote, 2 ed., Paris, 1955, p. 24—25, 28; С. А. Жебелев, СП, стр. 30, 316—324; С. Я. Лурье, Геродот, М.—Л., 1947, стр. 16; История греческой литературы, т. II, М., 1955, стр. 58.

¹³⁹ М. Дункер выдвинул предположение о том, что Геродот сопутствовал Периклу во время экспедиции в Черное море (M. Dunscker, Geschichte des Altertums, NF, B. II, S. 106—107); это бездоказательное допущение не может быть принято (ср. рецензию В. Niese на книгу Дункера, GGA, 1886, B. II, S. 745). Но в статье о перикловой экспедиции Дункер высказывается более осторожно, говоря лишь о том, что интерес Геродота к северным берегам Понта связан с политикой Афин в этих краях (M. Dunscker SPAW, 1885, B. II, S. 545); представляется, что Якоби и Жебелев, отрицающие вообще всякую связь труда Геродота с политикой Перикла на Понте (F. Jacoby, Herodotes, RE, Suppl. II, Sp. 357; С. А. Жебелев, СП, стр. 316, прим.), не учитывают в достаточной мере афинских связей и симпатий Геродота (см. след. прим.).

¹⁴⁰ Ed. Meuser, Forschungen zur alten Geschichte, B. II, Halle, 1899, S. 126—229; F. Jacoby, Herodotos, RE, Suppl. II, Sp. 237—242, 354—360, 413—414; С. Я. Лурье, Геродот, стр. 18—24, 68—84; Т. В. Блаватская, Очерки, стр. 59—62; ср. также помещенную в этом томе статью М. Ф. Болтенко (стр. 33—38).

¹⁴¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 17—22; С. А. Жебелев, СП, стр. 311—314; Т. В. Блаватская, Очерки, стр. 58—63.

называть ее имя. В самом деле Геродот называет город то Βορυσθενιτέων αστὴ (IV, 78, 3), то Βορυσθενιτέων πόλις (IV, 79, 2), то даже просто ο Βορυσθενής (IV, 78, 5); отдельно упоминается Βορυσθενιτέων ἐμπορίον (IV, 17, 1) или Βορυσθενέος ἐμπορίον (IV, 24, 1); граждан Ольвии для Геродота — борисфенит (IV, 79, 4—5, дважды), а все они вместе — борисфениты, живущие при Гипаниде (IV, 53, 6); наконец, сами себя эти борисфениты именуют милетянами (IV, 78, 3). И только в одном случае, говоря о местном племени скифов земледельцев, «которых эллины, живущие на реке Гипанисе, называют борисфенитами», Геродот добавляет «а самих себя — ольвиополитами» (IV, 18, 1).

Из приведенных примеров вытекает, что Геродот знал подлинное самоназвание ольвиополитов, но сознательно избегал его, не останавливаясь даже перед тем, что борисфенитами именовались в действительности скифы-земледельцы¹⁴². а те, к кому Геродот упорно и последовательно прилагал это имя, жили в действительности не на Борисфене, а на Гипаниде. С. А. Жебелев правильно заключает из этих сопоставлений, что хотя официальное название города всегда было Ольвия, именно Геродот ввел по отношению к нему название Борисфен, которое и стало надолго господствующим в литературных памятниках¹⁴³. С. А. Жебелев предполагает, что причина такого переименования города объясняется тем, что красота и природные богатства Днепра поразили воображение Геродота: «все, что расположено более или менее близко от Борисфена, получает в изложении Геродота свой отблеск от этой замечательной реки»¹⁴⁴. Несмотря на то, что подобным образом истолковывал название Ольвии Борисфеном еще Дион Хрисостом¹⁴⁵, мы все же не считаем такое объяснение достаточным: ведь Нил еще больше поразили воображение Геродота, но ему не пришлось на ум назвать египтян или хотя бы жителей одного какого-нибудь египетского города по имени Нила. Зато говоря о Тире Геродот снова выражается настолько неопределенно, что некоторые ученые даже сомневаются, знал ли Геродот Тиру как город?¹⁴⁶ В самом деле, у Геродота читаем: «Тирас течет с севера и берет начало у большого озера..., у устья его живут эллины, которые называются тиритами» (IV, 51, 1).

Нам представляется, что и в переименовании Ольвии, и в намеренно неясном способе выражения относительно соседней Тире у Геродота проявляется определенная тенденция; вспомним, что если речь шла о таких предметах, о которых «отец истории» не имел желания сообщать несогласные с его установками подробности, он охотно прибегал к умолчанию¹⁴⁷.

При таких условиях позволительно спросить: входило ли в расчеты Афин, интересы которых определяли тенденции Геродота, давать всем читателям геродотовой «Истории» точные сведения о политической организации северопонтийских городов, которые все больше привлекали внимание афинян как важнейший источник хлеба и сырья? Т. В. Блаватская

¹⁴² В древних источниках можно отыскать и другие случаи обозначения местных племен по именам рек, на берегах которых они жили; таковы истриане у Помпея Трога (J u s t., IX, 2, 1), танаиты у Птолемея (P t o l., III, 5, 10) и др. Разумеется, эти названия употреблялись преимущественно теми писателями, которые не знали или не хотели приводить самоназваний этих племен.

¹⁴³ С. А. Жебелев, СП, стр. 295—296. В официальной документации метрополии встречается также именование ольвиополитов «борисфенитами»; ср. Б. Н. Г р а к о в, ВДИ, 1939, № 3, стр. 247, № 12, стр. 289, № 67.

¹⁴⁴ С. А. Жебелев, СП, стр. 295.

¹⁴⁵ Dio Chrys., XXXVI, 2.

¹⁴⁶ Например, А. Н. Зограф, Монеты Тире, М., 1957, стр. 11; В. Д. Блаватский, Процесс исторического развития античных государств в северном Причерноморье, ПИСП, М., 1959, стр. 13—14.

¹⁴⁷ В этом его упрекал еще Плутарх — P l u t., De Herod. malign., IV.

показала, что политическим стремлениям Афин, напротив, соответствовало полное умолчание о достаточно сильном объединении боспорских полисов с частью местных племен, поскольку это государство заняло вполне отчетливую антиафинскую позицию¹⁴⁸. Продолжая эту мысль, мы можем сказать, что для афинской пропаганды не было лишено смысла и умолчание о том, что Ольвия и Тира — достаточно крупные и во всех отношениях независимые полисы; выгодно было представить дела так, что живущие при Гипаниде борисфениты, именующие себя милетянами, и эллины, которые называются тиритами, окруженные дикими и кровожадными врагами¹⁴⁹, но живущие в замечательно плодородных и отлично орошенных местах¹⁵⁰, только и мечтают присоединиться к Афинскому союзу, который и доставит им необходимую защиту. Вспомним, что и понтийская экспедиция Перикла, по сохранившейся проафинской версии, была принята с чисто демонстративной целью и чуть ли не по просьбе тамошних греков. Все это следует, на наш взгляд, считать отголоском единой политической тенденции, оправдывавшей и объяснявшей включение некоторых припонтийских городов в состав Афинского союза.

5.

Еще С. А. Жебелев обратил внимание на то, что для решения вопроса о вхождении северопонтийских городов в Афинский морской союз могут быть использованы их монеты; правда, весьма своеобразная интерпретация нумизматических данных привела С. А. Жебелева лишь к укреплению его априорного взгляда о том, что Тира, Ольвия и Нимфей не могли быть членами Афинского союза¹⁵¹. На самом деле монеты Ольвии, как догадывался уже А. В. Орешников, свидетельствуют о противоположном¹⁵². Поэтому даже и не располагая другими материалами о вхождении Ольвии в Афинский морской союз и о распространении на нее, в частности, монетного законодательства союза, мы обязаны познаться с тем, что дают нумизматические памятники Ольвии для положительного или отрицательного решения занимающей нас проблемы.

Среди ольвийских монет, имеющих непосредственное отношение к вопросу о том, являлась ли Ольвия членом Афинского союза, прежде всего выделяются известные литые медные монеты, так называемые ольвийские ассы. Они были выпущены в нескольких номиналах и с разными изображениями, так что легко и естественно разделяются на несколько групп. На одной типом изображения лицевой стороны является представленная в профиль Афина в шлеме, а оборотной — колесо с буквами Π-Α-Υ-Σ между спицами; монеты этой группы известны в двух номиналах¹⁵³. Монеты второй группы объединяются изображением горгонеиона на аверсе и буквами Α-Ρ-Ι-Χ, стоящими на их реверсах; при этом на монетах среднего и младшего номиналов буквы размещены, как и на монетах предшествующей группы, между спицами колеса, а на монетах старшего сорта они расставлены вокруг схематично представленного орла, который летит впра-

¹⁴⁸ Т. В. Блаватская, *Очерки*, стр. 58—63.

¹⁴⁹ *Нег.*, IV, 62, 64—66, 70—73.

¹⁵⁰ *Нег.*, IV, 47, 52—56 sqq.

¹⁵¹ С. А. Жебелев, *СП*, стр. 182—183, прим. 4. Автор считает, что из того факта, что Тира, Ольвия и Нимфей чеканят в конце V и в первой половине IV в. до н. э. серебряные монеты по эгинской, а не по аттической весовой системе, следует, будто они не являлись членами Афинского союза. На неправильность этого заключения обратил внимание Т. В. Блаватская (*Очерки*, стр. 69, прим. 63); к ее замечанию можно добавить, что почти все города отмечают свой выход из Афинского союза как раз чеканом серебра по неаттическим системам; ср. С. Seltnan, *Greek Coins*, p. 150—152, а также литературу, указанную выше, в прим. 37—38.

¹⁵² А. В. Орешников, *КУ*, стр. 3—4; его же, *ИРАИМК*, т. I, стр. 222.

¹⁵³ А. Н. Зограф, *АМ*, табл. XXX, 3—4; П. О. Бурачков, *Общий каталог монет и т. д.*, Одесса, 1884, табл. II, 9—10.

во, держа в когтях дельфина¹⁵⁴. На монетах третьей группы, которые все принадлежат к одному номиналу, находим снова горгонейон на аверсе и орла с дельфином на реверсе, но по стилю и исполнению они несколько отличны от предыдущих; кроме того, здесь впервые появляется имя города, данное в виде сокращения $\Theta-\Lambda-\Psi-\Gamma$ ¹⁵⁵. Наконец, последняя группа литых монет представлена опять одним номиналом, но на этот раз старшим; на лицевой стороне этих монет изображена фасовая голова Деметры, а на оборотной — снова орел и дельфин, но уже в ином виде — почти в точности так, как на серебряных монетах IV в. до н. э.; на всех этих литых монетах дано имя города в форме $\Theta\Lambda\Psi\Gamma$, а также различные сокращения и дифференты¹⁵⁶.

Сопоставление монет, входящих в состав перечисленных четырех групп, было сделано уже давно¹⁵⁷, однако наличие внутри каждой группы значительного числа разновидностей и вариантов не привлекало внимания исследователей; между тем анализ всех этих особенностей, данный нами в специальной работе¹⁵⁸, является очень важным при определении последовательности и хронологии отдельных групп. Монеты первой группы (с изображениями Афины и колеса) принадлежат к числу редкостей, особенно монеты большого размера; варианты изображений и надписей на них неизвестны; в типе привлекает особое внимание дельфин, помещенный на аверсе, перед лицом Афины; в надписи Π широкое, с укороченной правой гостой, Λ в виде равностороннего треугольника, Σ с широко разведенными попарно параллельными штрихами¹⁵⁹.

В свою очередь монеты второй группы имеют в каждом номинале по ряду вариантов. Различия состоят, прежде всего, в трактовке горгонейона; на монетах с орлом различно число фестонобразных локонов в прическе (иногда их восемь, чаще шесть); значительные различия наблюдаются в моделировке рта; по-разному намечен контур нижней части лица; в верхней части лица также можно подметить некоторые различия. Но в том, как сочетаются все эти признаки в конкретных горгонейонах, трудно уловить какую-либо последовательность — архаические глаза объединяются, например, с более поздними формами рта или наоборот. Это исключает возможность точно определить отдельные этапы развития типа Горгоны в рамках данной серии монет и приводит к заключению, что время их выпуска не было продолжительно, укладываясь примерно в рамки десятка лет. Вообще говоря, старшими по возрасту представляются те, где углы широко раскрытого рта подняты кверху, овал ассиметричного лица приближается к окружности, глаза большие, миндалевидные, с сильно выраженными надбровными дугами¹⁶⁰.

¹⁵⁴ А. Н. Зограф, АМ, табл. XXXI, 1—3; П. О. Бурачков, ОК, табл. I, 1—4.

¹⁵⁵ А. Н. Зограф, АМ, табл. XXXI, 5; П. О. Бурачков, ОК, табл. I, 5—6 и 8.

¹⁵⁶ А. Н. Зограф, АМ, табл. XXXI, 4; П. О. Бурачков, ОК, табл. I, 7; табл. II, 11—12; табл. III, 14. Ср. серебряные статеры — АМ, табл. XXXII, 2; ОК, табл. VI, 135.

¹⁵⁷ Впервые в работе И. Бларамберга — *Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa etc.*, Paris, 1822, p. 35—36, pl. I, 1—6.

¹⁵⁸ П. И. Карышковский, *Ольвийські аси, Праці ОДУ*, т. 149, серія історичних наук, вип. 7, 1959, стор. 47—68; П. О. Карышковский, *Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии*, ПИСП, М., 1959, стр. 220—234.

¹⁵⁹ См. фоторепродукции этих монет — В. Pick, *Die antiken Münzen Nord-Griechenlands*, B. I, H. 1, Berlin, 1898, Taf. VIII, 1; S. W. Grose, *Fitzwilliam Museum, Catalogue of the Mac-Clean Collection of Greek Coins*, v. II, Cambridge, 1926, pl. 159, 4; F. Schlessinger, *Katalog № 11, Antike Münzen (Auktion 26 Februar 1934)*, Taf. IV, 118—119; E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, pl. II, 2.

¹⁶⁰ См. В. В. Голубцов, *Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1907 гг.*, ИАК, вып. 51, 1914, табл. V, I—VI, 3; В. Pick, *Taf. VIII, 3*; S. W. Grose, pl. 155, 5—6; pl. 159, 1—2; pl. 157, 1—3; F. Schlessinger, *Taf. IV, 123—124*; E. H. Minns, pl. II, 1;

На монетах среднего номинала с буквами А-Р-Ι-Χ изображения горгонейонов не представляют большого числа вариантов. Волосы всегда моделированы здесь шестью фестонами, рот ровный, подбородок слегка выступающий за линию, очерчивающую овал лица, но всегда не так резко, как на крупных монетах; теперь появляется, однако, новая черта, которая позволяет разбить все эти горгонейоны на две категории: на одних экземплярах сохраняется высунутый язык, как это было всегда на крупных монетах, на других его нет¹⁶¹, причем монеты с языком встречаются значительно чаще. В целом изображения горгонейона на монетах среднего достоинства стилистически довольно тесно примыкает к изображениям на крупных монетах.

Переходя к характеристике горгонейонов на самых малых монетах этой группы, мы также не встречаем большого разнообразия вариантов. Однако на всех этих монетах волосы трактованы уже не спускающимися на лоб фестонами, а линией из шариков, наподобие ожерелья; ни на одном из виденных нами экземпляров хорошей сохранности нам не удалось подметить высунутый язык. Часть горгонейонов на этих монетах тяготеет по своим стилистическим признакам к изображениям на монетах старшего и среднего сорта, другая же приближается скорее к горгонейонам следующей группы, с именем города¹⁶².

Из особенностей начертания надписей на этих монетах следует лишь сказать, что А имеет форму равностороннего треугольника, Р с крупной верхней частью, очерченной полукругом; линии Χ пересекаются под прямым углом; на средних и малых монетах буквы исполнены гораздо более небрежно; орлы и дельфины на крупных монетах чрезвычайно похожи друг на друга, но в размещении букв вокруг орла можно указать несколько вариантов¹⁶³.

На монетах третьей группы горгонейон имеет гораздо более смягченные черты. Овал лица становится круглым и, теряя ясно выраженные границы, порой почти сливается с краем монеты. Волосы передаются плоскими прядями с пробором посредине, подбородок раздваивается; лишь в виде исключения на некоторых монетах этой группы сохраняется старая трактовка подбородка, с четко выступающим неразвоенным концом. Эти горгонейоны имеют либо высунутый, либо спрятанный язык; монеты последнего сорта встречаются чаще¹⁶⁴.

На обороте всех монет третьей группы помещено традиционное изображение орла и дельфина, трактованное уже в более реалистической манере и близкое к подобным изображениям орлов на монетах Истрии и Синопя¹⁶⁵. Вокруг орла расставлены четыре буквы, охватывающие его

R. Ball, *Versteigerungskatalog* № VI, Berlin, 1931, Taf. II, 61; Taf. III, 60; L. Forrer, *The Weber Collection*, v. II, London, 1924, pl. 100, 2603; M. Hrbas, J. Marco und K. Dittrich, *Antike Münzen aus Olbia und Pantikapaum*, Prag, 1959, Taf. 2—5.

¹⁶¹ См. В. В. Голубцов, табл. VII, 2 и 4; В. Pick, Taf. VIII, 2; S. W. Grose, pl. 156, 3; M. Hrbas, Taf. 6—11; *Sylloge Nummorum Graecorum*, The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum, Thrace, part 1, Copenhagen, 1942, pl. II, 66.

¹⁶² S. W. Grose, pl. 156, 4; pl. 159, 1; R. Ball, Taf. III, 62; L. Forrer, pl. 100, 2605; M. Hrbas, Taf. 7.

¹⁶³ Первый вариант — В. В. Голубцов, табл. V, 1—3; табл. VI, 1—3; S. W. Grose, pl. 155, 5; pl. 157, 2; второй вариант — В. Pick, Taf. VIII, 3; S. W. Grose, pl. 156, 1—2; pl. 157, 1; E. H. Minns, pl. II, 1; третий вариант — F. Schlessinger, Taf. V, 124; четвертый вариант — S. W. Grose, pl. 155, 6.

¹⁶⁴ В. В. Голубцов, табл. VII, 1 и 3; S. W. Grose, pl. 159, 2—3; E. H. Minns, pl. II, 3; R. Ball, Taf. II, 63; L. Forrer, pl. 100, 2606; M. Hrbas, Taf. 8—10; *Danish National Museum*, pl. II, 74; A. E. Cahn, *Versteigerungskatalog* № 60, Berlin, 1928, Taf. VI, 266.

¹⁶⁵ В. Pick, Taf. II, 20—26; Taf. III, 1—4; E. Babelon, et Th. Reinach, *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*, t. I, fasc. 1, Paris, 1904, pl. XXIV, 13—37; pl. XXV, 1—21.

кольцом; кроме единственного исключения, легенда начинается всегда у головы орла. Расстановка букв позволяет различить среди этих монет до десятка вариантов; основным является тот, который имеет обращенные влево изображения орла и дельфина, а буквы размещены так, что О находится у головы орла, Λ над его хвостом, Я (всегда в перевернутом виде) — над хвостом дельфина, Γ возле головы последнего. Иногда Λ переходит вниз и помещается непосредственно над Β, иногда перемещается в верхнюю часть поля, над крыльями орла. Первый и третий варианты встречаются еще и в «отраженном», если так можно выразиться, виде — орел и дельфин обращены вправо, а легенда читается не по ходу часовой стрелки, а против ее движения. Все эти варианты довольно редки; во всех изученных нами музейных собраниях количественно всегда преобладают монеты основного варианта, при чем горгонейон чаще представлен на них без языка ¹⁶⁶.

Наконец, среди монет этой группы встречаются и крайне редкие экземпляры, на которых буквы Ιϛ (в обратном начертании) перенесены в нижнюю часть поля, под брюхо дельфина; они образуют переход к тем монетам, где надпись увеличивается на одну букву и читается не О-Λ-Я-Γ, а О-Λ-ЯΙΟ — эта форма надписи становится надолго безраздельно господствующей на всех чеканных монетах Ольвии, литые же экземпляры с такой легендой редки. На известных нам экземплярах изображения всегда повернуты влево, а буква Λ стоит в одних случаях над, а в других под хвостом орла ¹⁶⁷. В Лузановке, вблизи Одессы, найдена уникальная монета такого типа, где буквы ΒΙΟ в обрезе даны в начертании слева направо; надпись, таким образом, здесь размещена уже не кольцом, а в две строки: ΟΛ и ΒΙΟ ¹⁶⁸. Что касается последней группы литых монет, то и они образуют значительное число вариантов, различающихся стилем изображения и буквенными дифферентами; но поскольку в настоящее время отнесение их к IV в. до н. э. не вызывает сомнений ¹⁶⁹, здесь нет необходимости останавливаться на этих ассах.

Как уже частично отмечалось выше, отдельные группы ольвийских литых монет следует представлять себе выпускавшимися на протяжении различных промежутков времени. Вполне возможно, что монеты с Афинной, как показывает уже сама их редкость, были выпущены в один прием, вероятно на протяжении одного-двух лет; этим же объясняется и полное отсутствие вариантов ¹⁷⁰. Монеты с буквами Α-Ρ-Ι-Χ явились, напротив, результатом чрезвычайно интенсивной деятельности монетного двора; они встречаются в раскопках и в музейных собраниях в наибольшем числе и выпускались, надо полагать, на протяжении большего промежутка времени, чем монеты предшествующей группы. Однако то обстоятельство, что все эти монеты отмечены сокращением одного лишь имени и особенно тот факт, что в одних и тех же горгонейонах наблюдается сочетание архаических и более поздних стилистических черт, не позволяет чрезмерно увели-

¹⁶⁶ Основной вариант — В. В. Голубцов, табл. VII, I; R. Ball, Taf. II, 63 (горгонейон с языком); S. W. Grose, pl. 159, 2—3; L. Förrer, pl. 100, 2606; M. Hrbas, Taf. 8—9; Danish Museum, pl. II, 74 (горгонейон без языка); ср. E. H. Minns, pl. II, 3; Chr. Giel, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Sudrusslands, Moskau, 1886, Taf. I, 1 (орел и дельфин обращены вправо).

¹⁶⁷ В. В. Голубцов, табл. VII, 3; O. Helbing, Griechische und Römische Münzen (Auktion 22 März 1926), Taf. IV, 70.

¹⁶⁸ А. Н. Зограф, Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 г., МАСП, вып. I, 1957, стр. 98, № 13, табл. I, 8.

¹⁶⁹ В. В. Голубцов, табл. VIII, I—XIV, 4. О дате см. А. Н. Зограф, АМ, стр. 124—125; А. В. Орешников, ИРАИМК, т. I, стр. 221—223; П. И. Каришкo в сь к и й, Ольвийські аси, стор. 51—52, 53—54, 63; його ж, З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії, «Археологія», т. XI, 1957, стор. 54—55.

¹⁷⁰ Это соображение принадлежит А. В. Орешникову (КУ, стр. 3).

чивать время их выпуска; на наш взгляд, все они были отлиты в рамках десяти-пятнадцати лет. Образующие третью группу монеты были также выпущены в сравнительно ограниченных хронологических границах — горгонейоны на этих ассах стилистически весьма близки друг к другу, а характер различий между вариантами таков (поворот типа, расстановка букв), что может рассматриваться скорее как результат напряженной кратковременной работы монетных мастеров, чем как следствие длительности их выпуска. Однако наличие двух вариантов надписи О-Λ-Υ-Ι и О-Λ-ϠΙΟ и в особенности то, что в пределах этой группы происходит разрыв со старой традицией расстановки букв вокруг изображения и появляется размещение букв в двух строках, заставляет предполагать, что время выпуска монет третьей группы также приближалось к десятилетию.

Переходя к вопросу об абсолютной хронологии перечисленных групп ольвийской литой меди, следует прежде всего остановиться на определении относительной последовательности этих групп. А. С. Уваров, впервые поставивший этот вопрос, считал монеты с Афиной самыми древними, на втором месте он помещал серию монет с горгонейоном и буквами ΑΡΙΧ, за ними ставил монеты с Деметрою (называя, впрочем, ее также Горгоною) и в самом конце монеты среднего размера с горгонейоном и именем города¹⁷¹. Б. В. Кене переставил две последние группы, т. е. придавал им ту же последовательность, что и в наших работах¹⁷², так же размещал литые монеты и П. О. Бурачков¹⁷³; однако А. В. Орешников в каталоге собрания Уварова возвращается к взгляду последнего¹⁷⁴. Взгляд Кене и Бурачкова получил поддержку со стороны А. Л. Бертье-Делагарда, который впервые собрал и обработал весовые данные об ольвийских ассах¹⁷⁵. Ф. Ленорман и Э. Миннз выдвинули на первое место монеты с буквами ΑΡΙΧ, принимая в остальном точку зрения Кене — Бурачкова — Бертье-Делагарда¹⁷⁶; такую последовательность пытались обосновать В. В. Голубцов и А. В. Орешников, который в конце жизни изменил свои взгляды¹⁷⁷. А. Н. Зограф, наконец, снова выдвинул на первое место монеты с Афиной, но в то же время вернулся к взгляду Уварова относительно последовательности двух последних групп¹⁷⁸.

Полагаем со своей стороны, что последовательность групп с именами ΠΑΥΣ и ΑΡΙΧ совершенно правильно была установлена еще нумизматами прошлого столетия, а А. Н. Зограф привел в ее защиту неопровержимый довод, основанный на изучении самой техники отливки ольвийских монет¹⁷⁹: большое значение имеет и другая деталь, также подмеченная А. Н. Зографом — радиальное размещение букв вокруг крестообразно распластанного орла тесно сближает эти монеты с монетами, где буквы стоят между спицами колеса. К этому можно лишь добавить, что полное стилистическое тождество колес на средних и малых ассах с именем ΑΡΙΧ и на монетах с именем ΠΑΥΣ заставляет думать, что они не отделены друг от друга сколько-нибудь значительным промежутком времени; кроме того, средние и малые монеты второй серии и по технике изготов-

¹⁷¹ А. С. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. I, СПб., 1851, стр. 106—108.

¹⁷² Б. В. Кене, Музей кн. В. В. Кочубея, т. I, СПб., 1856, стр. 33—37.

¹⁷³ П. О. Бурачков, ОК, стр. 37—41.

¹⁷⁴ А. В. Орешников, КУ, стр. 3—6.

¹⁷⁵ А. Л. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э., НС, т. I, 1911, стр. 72—73.

¹⁷⁶ F. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, t. I, Paris, 1878, p. 157—158; E. H. Minns, Scythians and Greeks, p. 482—485.

¹⁷⁷ В. В. Голубцов, ИАК, вып. 51, стр. 78—80; А. В. Орешников, ИРАИМК, т. I, стр. 221—225.

¹⁷⁸ А. Н. Зограф, АМ, стр. 121—126.

¹⁷⁹ Там же, стр. 123.

ления чрезвычайно близки к монетам с буквами ΠΑΥΣ, а среди крупных редко, но все же встречаются экземпляры, которые напоминают, используя меткую терминологию А. Н. Зографа, скорее плосковыпуклую, чем двояковыпуклую линзу¹⁸⁰. Таким образом, мы приходим к заключению, что первыми в ряду ольвийских литых монет следует признать монеты с Афиной, а вскоре — вероятно, уже в пределах ближайшего десятилетия — за ними последовал и выпуск серии ассов с буквами ΑΡΙΧ.

Если, как показано выше, относительно последовательности двух первых групп ольвийского монетного литья следует признать правильной точку зрения А. Н. Зографа, то для двух последних групп соответствующей действительности представляется, напротив, последовательность, установленная еще Кене и поддержанная большинством ученых; особенно серьезные доводы Орешникова. Дело в том, что стремление А. Н. Зографа видеть в монетах с горгонеионом и именем города результат редукции монет старшего номинала¹⁸¹ фактически им не обосновано. Во то же время нет никаких оснований допускать, что две группы монет с горгонеионом, на которых прослеживается правильная эволюция типа Горгоны, известная по другим памятникам античного искусства, разрываются исполненными в совсем иных художественных традициях монетами с Деметрой. Некоторые соображения по этому поводу излагаются ниже, в связи с определением уже не относительной, но абсолютной хронологии отдельных групп, но на одно обстоятельство следует обратить внимание уже здесь. Речь идет о том, что если продолжить наблюдения А. Н. Зографа над размещением надписи на литых монетах, то монеты с горгонеионом и именем города никак не следует отделять от монет с горгонеионом и буквами ΑΡΙΧ; ведь основной вариант размещения букв Ο-Λ-Θ-Ι в точности следует схеме расстановки букв Α-Ρ-Ι-Χ на крупных ассах — в обоих случаях буквы стоят квадратом, явно имитируя размещение букв между спицами колеса, и для чтения надписи, начинающейся в левом верхнем углу поля, монету необходимо поворачивать по ходу часовой стрелки. Однако наблюдается и постепенное развитие этой легенды — на монетах с буквами ΑΡΙΧ зависимость от типа колеса еще проявляется во всей силе, и буквы стоят так, что их оси пересекаются в центре монеты; на монетах с именем города этой связанности уже нет и все буквы стоят вертикально; как пережиток, однако, В обращена влево, так что буквы Β-Ι следует, строго говоря, читать, перевернув монету так, чтобы изображения орла и дельфина оказались опрокинутыми. Именно на монетах с именем города и горгонеионом окончательно отмирает старая схема: сначала Λ меняет свое положение, затем легенда разбивается на части так, что буквы ΒΙ переходят в нижнюю часть поля, после этого теряет смысл предписанное в свое время типом колеса сокращение ΟΛΒΙ и появляется более полная форма — ΟΛΒΙΟ, наконец, исчезает необходимость поворачивать монету для чтения второй строки (см. выше перечисление всех вариантов). Что касается монет с Деметрой, то там имя города уже во всех случаях выписано в одну строку¹⁸². Все это служит, на наш взгляд, достаточным основанием для того, чтобы вернуться в определении последовательности двух последних групп ольвийских литых монет к точке зрения Кене, Бурачкова, Орешникова и Бертье-Делагарда¹⁸³.

Если мы позволили себе остановиться на всех этих деталях, то потому, что последовательность групп ольвийских литых монет в том порядке,

¹⁸⁰ А. Н. Зограф, АМ, стр. 123.

¹⁸¹ Там же, стр. 124; ср. его же, МАСП, вып. I, стр. 99—100.

¹⁸² В. В. Голубцов, табл. VIII, I—XIV, 4.

¹⁸³ Ср. наши статьи — ПИСП, М., 1959, стр. 222—229; Праці ОДУ, т. 149, вип. 7, стор. 54—56.

как они описаны выше, представляется нам, несмотря на авторитет А. Н. Зографа, единственно возможной и потому требует полноты и ясности аргументации. К этому надо добавить, что перерыв между монетами второй и третьей группы был, надо полагать, значительно больше, нежели между монетами первой и второй групп; однако вряд ли следует считать его и слишком большим, так что речь должна идти скорее всего о промежутке в 10—20 лет — об этом можно судить на основании горгонейонов монет с буквами АΡΙΧ и с именем города.

Установив последовательность и примерную продолжительность выпуска отдельных серий ольвийских литых монет, а также вероятную величину разделяющих их промежутков, мы можем использовать результаты этих наблюдений при оценке тех взглядов, какие высказывались в научной литературе относительно их абсолютной хронологии. П. О. Бурачков, например, допускал в одно и то же время, что они были отлиты для уплаты государственного долга Протогену, надпись в честь которого он в свою очередь датировал II и даже I в. до н. э., и что они относятся ко «второму периоду» истории Ольвии, рамки которого он определял по Уварову, т. е. в пределах от 54 до 194 гг. н. э.¹⁸⁴ Б. В. Хед помещал все виды литых монет в III столетие до н. э.¹⁸⁵ Б. В. Кене и А. Л. Бертье-Деллагард передвигали их в IV в.¹⁸⁶ В. В. Голубцов и А. В. Орешников, а также Э. Миннс и С. Грос относили серии с буквами ΠΑΥΣ и ΑΡΙΧ даже к VI в. до н. э., а остальные к IV и III вв. до н. э.¹⁸⁷ Наконец, А. Н. Зограф разместил эти монеты на протяжении двух веков: первую группу он датирует временем, близким к Марафонской битве, вторую — гранью между первой и второй четвертями V в. до н. э., четвертую, которая, по его мнению, старше третьей, А. Н. Зограф ставит в середине и в начале третьей четверти IV в. до н. э., а третью, по его мысли самую последнюю, он относит к самому концу IV в. до н. э.¹⁸⁸

Рассматривая вышеприведенные взгляды ученых, нельзя не отметить, что датировка монет с буквами ΠΑΥΣ и ΑΡΙΧ VI в. до н. э. и даже 490 и 475 гг. до н. э. создает немало существенных затруднений. Уже сам А. Н. Зограф обратил внимание на то, что в этом случае приходится констатировать чрезвычайно раннее появление магистратских имен на монетах Ольвии¹⁸⁹. Кроме того, если первые выпуски литых монет относятся к началу V в. до н. э., то необходимо признать, что ольвиополиты, начав в первой четверти V в. до н. э., выпуск литой меди, затем прекратили его на 120 или 150 лет (по Зографу, например от рубежа первой и второй четверти V в. до н. э. до середины и начала третьей четверти IV в. до н. э.). Нам представляется, что с точки зрения развития всей экономики города никак нельзя допустить такой большой хронологический разрыв между сериями столь своеобразных монет; выше уже было замечено и то, что такой разрыв не оправдывается и с точки зрения их стилистических особенностей и палеографии.

За основание для датировки упомянутых монет В. В. Голубцов признает стиль помещенных на них изображений; А. Н. Зограф сравнивает

¹⁸⁴ П. О. Бурачков, ОК, стр. 7, 30 и 39.

¹⁸⁵ B. V. Head, *Historia Numorum*, 2 ed., Oxford, 1911, p. 272.

¹⁸⁶ Б. В. Кене, Музей Кочубея, т. I, стр. 36—37; А. Л. Бертье-Деллагард, НС, т. I, стр. 67—68.

¹⁸⁷ В. В. Голубцов, ИАК, вып. 51, стр. 76—84; А. В. Орешников, ИРАИМК, т. I, стр. 221—225; E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, p. 484—485, S. W. Gose, *Fitzwilliam Museum*, v. II, p. 153.

¹⁸⁸ А. Н. Зограф, АМ, стр. 123—126. Эту точку зрения полностью принимает К. Диттрих (*M. Hgbas*, S. 143—145).

¹⁸⁹ А. Н. Зограф, АМ, стр. 124—125.

их с монетами других центров Эллады. Признавая правильность и закономерность таких методов исследования, нельзя не заметить, что механическое перенесение Голубцовым на монеты терминов, которые установлены в области исследования расписной керамики, и в особенности абсолютных дат, соответствующих определенным этапам развития вазовой живописи, никак нельзя признать методически верным приемом. Критикуя Голубцова, А. В. Орешников давно уже заметил, что нумизматические памятники имеют свои особые художественные традиции, отличные от традиций вазописи¹⁹⁰. С этой точки зрения заслуживает полного внимания точка зрения П. О. Бурачкова и А. Л. Бертье-Делагарда, которые указали, что уже сама сложность типов ольвийского монетного литья не позволяет рассматривать их как памятник архаического монетного дела¹⁹¹. Что касается анализа стилистических особенностей изображений на ассах, которые часто называли архаическими, то перед нами скорее сознательная архаизация изображений, чем подлинный примитивизм искусства. Да и вообще стилистическое сравнение литых монет, имеющих 65—70 мм в диаметре, с чеканными серебряными монетами размером в 20—25 мм является делом чрезвычайно сложным; уже сама несовершенная литейная техника приводит к утолщенным и деформированным линиям, которые в соединении с непривычными для нумизматов размерами изображений приводят, при сравнении с четкими и строгими линиями чеканной монеты, к своеобразному эффекту — литые монеты кажутся чрезвычайно грубыми, а это и воспринимается по большей части без всякого анализа как доказательство их глубокой древности¹⁹². Как далеко можно пойти по такому пути, показывает пример Ч. Зелтмана, который, сопоставляя литые монеты Ольвии с афинскими монетами, нашел для изображений Афины и колеса аналогии среди евпатридских монет и среди первых выпусков Писистрата, т. е. между 562 и 546 гг. до н. э.¹⁹³. Сходство некоторых штемпелей афинских тетрадрахм середины VI в. с ольвийскими ассами действительно велико¹⁹⁴ и во всяком случае представляется нам большим, чем сходство с теми афинскими монетами, на которые ссылались В. В. Голубцов и А. Н. Зограф¹⁹⁵. Сомнительно, однако, чтобы этого было достаточно для отнесения ольвийских монет с Афиной к середине VI в. до н. э., тем более, что изображения горгонейонов на монетах Ольвии и Афин не дают никакого основания считать их произведениями искусства одной эпохи.

В связи с проблемой датировки ольвийских ассов нельзя не заметить также, что А. Н. Зограф слишком прямолинейно объединяет сходные по характеру изображения монеты Ольвии и других центров, относя их чуть ли не к одному году; так, монеты с Афиной обнаруживают, по его мнению, сходство с аттическими тетрадрахмами первого десятилетия V в., а монеты с сокращением АΡΙΧ сближаются по манере передачи летящего орла со статерами Олимпии, битыми в 70-х гг.; на этом основании первые отнесены к 490, вторые к 475 г. до н. э.¹⁹⁶. Между тем, вряд ли можно сомневаться в том, что для того, чтобы определенный тип изображения, — тем более, определенная стилистическая манера, — получили столь широкое рас-

¹⁹⁰ А. В. Орешников, ИРАИМК, т. I, стр. 223.

¹⁹¹ П. О. Бурачков, ОК, стр. 40; А. Л. Бертье-Делагард, НС, т. I, стр. 68.

¹⁹² Ср. ПИСП, М., 1959, стр. 223; Праці ОДУ, т. 149, вип. 7, стор. 57—58.

¹⁹³ C. Seltman, Athens, its History and Coinage, Cambridge, 1924, p. 132—133. К этой точке зрения присоединяется по-видимому И. Б. Брашинский (Афины и северное Причерноморье в VI—IV вв. до н. э., Ленинград, 1958, стр. 7).

¹⁹⁴ C. Seltman, Athens, pl. IV, A 52, 53, 59; pl. VII, A 97 ss.

¹⁹⁵ В. В. Голубцов, ИАК, вып. 51, стр. 80; А. Н. Зограф, АМ, стр. 123.

¹⁹⁶ А. Н. Зограф, АМ, стр. 123.

пространение и стали объектом подражания на таком значительном расстоянии, потребовалось значительно больше времени; так, например, зародившееся в Сицилии в конце V в. до н. э. обыкновение изображать головы богов в фас становится обычным в Северном Причерноморье не ранее 70-х и 60-х годов IV в. до н. э.¹⁹⁷

Если попытки приурочить первые серии ольвийских литых монет к концу VI или к началу V в. до н. э. основываются лишь на общем сходстве типов этих монет с типами монет других центров эллинского мира, то более внимательный анализ горгонеионов на монетах Ольвии позволяет, как нам представляется, прийти к несколько иным выводам. Не повторяя сделанного выше, достаточно подробного описания изображения Горгоны на ольвийских литых монетах, подчеркнем, что почти все их художественно-стилистические признаки не могут быть согласованы со столь ранней датировкой. Архаический в точном смысле того термина образ грозной Горгоны, достигающий своей наибольшей выразительности в конце VI в. до н. э. и сохраняющий преобладание до половины V в. до н. э., характеризуется скуластостью, почти округлым лицом, узким и низким лбом, широко раскрытыми глазами, маленьким приплюснутым носом, непомерно большим ртом с приподнятыми в чудовищном оскале углами, звериными клыками и далеко высунутым языком; часто — но не всегда — в волосах ее представлены извивающиеся змеи¹⁹⁸. Такой тип горгонеиона хорошо известен на монетах VI и начала V вв. до н. э.¹⁹⁹; неоднократно засвидетельствован он и на памятниках, найденных в Северном Причерноморье²⁰⁰. Для цели настоящей работы особенно важно, что нам известен типично-архаический горгонеион из Ольвии, притом выполненный той же техникой литья, что и монеты; это — украшение ручки литого бронзового зеркала ольвийского производства, найденного летом 1913 г.²⁰¹. Этот памятник наглядно показывает, что во второй половине VI в. до н. э. ольвиополиты представляли себе и изображали Горгону точно так же, как и прочие эллины этой эпохи²⁰².

С другой стороны, сравнение горгонеиона на ручке бронзового зеркала с изображениями Горгоны на ольвийских литых монетах неопровержимо доказывает, что эти последние относятся уже к следующему художественно-стилистическому этапу в развитии иконографии Горгоны, — а именно к так называемому «среднему» типу, который получил распространение во второй половине V в. до н. э. Для среднего типа горгонеионов характерно постепенное исчезновение или смягчение отталкивающих черт облика Горгоны — лицо становится овальным, лоб увеличивается, выравниваются и опускаются углы рта, весь он сужается, исчезают звериные клыки, уменьшается и вскоре становится необязательной деталью высунутый язык; если добавить, что волосы тракуются теперь более реалистически и весь образ в целом получает более мягкое выражение, то перед

¹⁹⁷ А. Л. Бертъе-Делагард, Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса, ЗООИД, т. XXVI, 1906, стр. 222—224; K. Regling, Die antike Münze als Kunstwerk, Berlin, 1924, S. 83—84, 108; ср. А. Н. Зограф, АМ, стр. 66—67, 112, 146, 176.

¹⁹⁸ A. Furtwängler, Die Gorgonen in der Kunst, ALM, B. I, Sp. 1712—1718; Ziegler, Gorgo, RE, B. VII, Sp. 1652—1653; A. L. Frothingham, Medusa, Apollo and the Greaeth Mother, AJA, v. XV, 1911, p. 349—377; v. XIX, 1915, p. 13—23.

¹⁹⁹ K. Regling, Die antike Münze, Taf. I, 6; Taf. III, 81; Taf. IV, 88; Taf. V, 130; Taf. VI, 159; Taf. IX, 216; C. Seltman, Athens, pl. IV, A 54—57, 60—61.

²⁰⁰ Например, В. К. Мальмберг, Ваза с ручкой, украшенной Горгоною, МАР, № 32, 1907, стр. 36—57, табл. IV; Н. И. Веселовский, Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы, ИАК, вып. 5, 1918, стр. 1—9, табл. I.

²⁰¹ Б. В. Фармаковский, Архаический период в России, МАР, № 34, 1914, стр. 27—28, табл. XI.

²⁰² Перед нами так называемый «мясистый» тип Горгоны, распространенный в Аттике, Халкиде и Коринфе, в отличие от малоазийского типа «змееволосой» Горгоны.

нами обрисовывается почти точная характеристика тех изменений облика Горгоны, которые были выше прослежены при рассмотрении ольвийских монет второй и третьей групп²⁰³. Это, однако, может означать лишь одно — изучаемые монеты Ольвии должны быть датированы второй половиной V в. до н. э., но никак не VI в. или началом V в. до н. э. Действительно, горгонеийон на крупных и средних монетах с буквами А-Р-I-X принадлежит к ранним образцам среднего типа, а некоторые черты отдельных экземпляров связываются даже с предшествующим типом; но вместе с тем изображения Горгоны на малых монетах с буквами А-Р-I-X и особенно на монетах с именем города приближаются уже к горгонеийонам так называемой «спокойной» разновидности хронологически относящегося уже к IV—III вв. до н. э. «прекрасного» типа²⁰⁴, памятники которого были широко распространены в эллинистическое время в Северном Причерноморье²⁰⁵.

Если горгонеийоны на литых монетах Ольвии должны быть связываемы с художественными веяниями второй половины V в. до н. э., то учитывая некоторое отставание Северного Причерноморья от метрополии²⁰⁶ было бы неосторожно помещать эти монеты даже в первые десятилетия после 450 г. до н. э. С другой стороны, невозможно относить ольвийские литые монеты к III в. до н. э. или ко времени «около 310 г. до н. э.»²⁰⁷. Об этом, помимо анализа горгонеийонов, свидетельствует и характер изображения орлов на монетах старшего номинала с буквами А-Р-I-X. А. Н. Зограф совершенно прав, указывая, что аналогичные изображения орлов с крестообразно распластанными крыльями появляются на монетах Олимпии в 70-х гг. V в. до н. э. Следует ли из этого, однако, что и ольвийские монеты относятся к тому же времени? Нам представляется, что на этот вопрос надлежит ответить отрицательно. В самом деле, о непосредственных связях и прямом влиянии здесь говорить не приходится; с другой стороны, изображения орлов с крестообразно распластанными крыльями сохраняются на монетах Олимпии не только в первой половине V в. до н. э., но и заходят далеко во вторую половину века²⁰⁸, и именно тогда эта манера изображения переходит на монеты других центров эллинского мира — мы встречаем ее, например, в Абдере между 450—425 гг. до н. э.²⁰⁹. Поэтому можно полагать, что и появление орла с крестообразно распластанными крыльями на монетах Ольвии также относится ко второй половине V в. до н. э.

Что касается изображения орла на ольвийских монетах с именем города, которые по А. Н. Зографу отделены от монет с буквами А-Р-I-X промежутком в 150 лет и должны быть относимы к концу IV в. до н. э., то и оно связывается с греческим искусством конца V в. до н. э. Во всяком случае в Причерноморье орел, представленный в профиль с поднятыми

²⁰³ A. Furtwängler, *ALM*, B. I, Sp. 1718—1721; Ziegler, *RE*, B. VII, Sp. 1653—1654; K. Regling, *Die antike Münze*, Taf. XX, 452; Taf. XXII, 487; Taf. XXIII, 503; Taf. XXX, 617; Taf. XXXIV, 715; S. 37, 64, 82.

²⁰⁴ A. Furtwängler, *ALM*, B. I, Sp. 1721—1724; Ziegler, *RE*, B. VII, Sp. 1654—1655.

²⁰⁵ Древности Боспора Киммерийского, т. I, табл. XXI, 10, 15, 19; Древности Геродотовой Скифии, вып. I, табл. VIII, 7 и мн. др.

²⁰⁶ Ср. сказанное выше о времени распространения в Северном Причерноморье фасовых изображений на монетах и литературу, указанную в прим. 197.

²⁰⁷ B. V. Head, *HN*, p. 272; ср. *Bibliothèque Nationale, Cabinet des médailles et antiques*, Paris, 1929, p. 16.

²⁰⁸ C. Seltman, *The Temple Coins of Olympia*, «*Nomisma*», B. VIII, 1913, p. 35—39, №№ 34—60, pl. IV, Y, Z, AA—AK; p. 43—45, №№ 71—72, 75—82, pl. V, AO, AP, AS; p. 50, № 106, pl. VI, BC; ср. p. 41, 54—55, 58—59.

²⁰⁹ F. Münzer und M. Strack, *Die antiken Münzen Nord-Griechenlands*, B. II, I Teil, H. I, Berlin, 1912, S. 63, № 74, Taf. I, 23.

параллельно туловищу крыльями, проникает скорее всего со статерами Кизика, где такое изображение зарождается впервые еще в первой половине V в. до н. э.²¹⁰ Понадобилось, однако, немало времени, пока этот тип получил дальнейшее распространение — лишь в последней четверти V в. до н. э. мы находим его на монетах фракийского царя Спарадокса, где кизикский тунец заменен змеей²¹¹. и только в последнем десятилетии V в. орел такого типа, уже с дельфином в когтях, становится излюбленным и постоянным типом оборотной стороны монет Истрии и Синопы²¹².

Из сказанного выше следует, что ни изображения горгонейонов, ни изображения орлов на литых монетах Ольвии не позволяют относить эти монеты ко времени ранее второй половины V в. до н. э. Не противоречит ли такому предположению тип представленной на самой ранней их серии Паллады? Афинское происхождение этого типа несомненно²¹³, но А. Н. Зограф видел его прототип среди аттических тетрадрахм первого десятилетия V в. до н. э., а Ч. Зелтман находил ближайшие стилистические аналогии даже среди монет времени Писистрата²¹⁴. Нам представляется, однако, что в обоих случаях недостаточно учитывались два обстоятельства: устойчивость образа Афины на аттических монетах, который до самой Пелопоннесской войны сохраняет все основные черты архаического искусства²¹⁵ и своеобразное огрубление художественно-изобразительной манеры при переводе изображения с небольшой чеканной монеты на сравнительно крупное литое изделие. Нельзя, кроме того, не принять во внимание, что ни в Ольвии, ни в Тавриде, ни на Боспоре, ни вообще в Северном либо Северо-западном Причерноморье никогда не находили афинских серебряных монет VI—V вв. до н. э.²¹⁶ Попытка Зелтмана опереться в своей аргументации на монеты из известного Шубинского клада, в составе которого находились архаические монеты Афин, не может быть поэтому признана сколько-нибудь убедительной, так как связь указанной находки с Северным Причерноморьем и в частности с Ольвией не может не вызвать серьезных сомнений.

Говоря об изображении Афины на литых монетах Ольвии, нельзя не обратить внимание на существенную деталь этого типа: перед лицом богини всегда представлен дельфин. Между тем это морское животное, посвященное покровителю мореходов Аполлону Дельфинию, никак не увязывается на почве религиозных и мифологических представлений древних эллинов с Афиной Палладой²¹⁷. Именно это обстоятельство позволяет,

²¹⁰ H. Fritze, Die Elektronprägung von Kyzikos, «Nomisma», B. VII, 1912, S. 8, № 94, Taf. III, 13.

²¹¹ Н. А. Мушмов, Античные монеты на Балканский полуостров, София, 1912, стр. 330, №№ 5684—5687, табл. XXXVI, 8—10.

²¹² C. Moisil, Cele mai vechi monete din Istros, BSNR, an. XVI, № 40, 1921, p. 108—112; E. S. G. Robinson, A Find of Coins of Sinope, NC, 4 series, v. XX, 1920, p. 1—16; id., Sinope, NC, 5 series, v. X, 1930, p. 1—15, ср. также литературу, указанную в примечании 165.

²¹³ Например, F. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, t. I, p. 15, П. О. Бурачков, ОК, стр. 37; В. В. Голубцов, ИАК, вып. 51, стр. 80.

²¹⁴ А. Н. Зограф, АМ, стр. 123; C. Seltman, Athens, p. 132—134; id., SAN, Plates, v. I (1927), p. 310; id., Greek Coins, p. 108.

²¹⁵ А. Н. Зограф, АМ, стр. 65—66; ср. C. Seltman, Greek Coins, p. 108.

²¹⁶ Д. Б. Шелов, Кизикские статеры на Боспоре, ВДИ, 1949, № 2, стр. 96—98; E. Condurachi, Les monnaies attiques dans les Balcanes, «Balcania», t. VI, 1943, p. 30—34. В 1956 г. около с. Тенево, Ямбольшого округа (Болгария) был найден клад, в составе которого наряду с монетами Аполлонии находились и тетрадрахмы Афин, отнесенные Т. Герасимовым к V в. до н. э. (Т. Герасимов, Коллективные находки от монеты през 1956—1957 г., ИАИ, т. XXII, 1959, стр. 359), но на Черноморском побережье находок афинских тетрадрахм V в. до н. э. не зарегистрировано.

²¹⁷ O. Keller, Thiere des klassischen Altertums, Innsbruck, 1887, S. 217 ff; L. Preller, Griechische Mythologie, B. I, 4 Aufl., Berlin, 1894, S. 257; ср. Wellman, Delphin, RE, B. VI, Sp. 2504—2509; Jessen, Delphinios, ibid., Sp. 2514—2515; Wachsmuth, Delphi-

как нам кажется, раскрыть тот путь, которым пришел в Ольвию данный монетный тип: на электровых статерах Кизика, которые, как известно, широко обращались в Причерноморье и заменяли здесь аттическое серебро в пору афинского гегемонии²¹⁸ мы находим столь же неожиданное соединение головы Афины с тунцом, эмблемой Кизика²¹⁹. Таким образом мы приходим к мысли о том что изображение Афины было заимствовано ольвиополитами не непосредственно с серебряных монет Аттики, но с кизикского электра, как это было в 30-х гг. V в. до н. э. и в Месембрии²²⁰.

Рассматривая, с этой точки зрения остальные типы ольвийских литых монет, можно без труда обнаружить, что и они имеют по всей вероятности то же происхождение²²¹. Устанавливая, что кизикские статеры оказали непосредственное влияние на типологию ольвийских литых монет, следует со всей серьезностью подчеркнуть значение того обстоятельства, что из многочисленных и разнообразных типов кизикского электра ольвиополиты сознательно отобрали те, которые имели прямое отношение к Афинам. В самом деле, не только Афина, но и Горгона являлась в древности символом Афинского государства — горгонейон является постоянным атрибутом Афины Паллады, выступающей, согласно древнейшим аттическим преданиям, в роли убийцы Медузы²²², с которой она представляла первоначально единый мифологический образ²²³. Горгонейон встречается и на монетах Аттики — как на серебре середины и конца VI в. до н. э.²²⁴, так и на редких золотых монетах позднейшего времени²²⁵. Если добавить, что и колесо является одним из древнейших типов на афинских монетах²²⁶ и даже заменяет порой традиционный горгонейон на щите Паллады²²⁷, то подчеркнуть афинский характер большинства типов ольвийских литых монет не вызовет сомнений. Вместе с тем представляется вполне естественной и роль Кизика в распространении этих типов — кизикины ле-

нион, *ibid.*, Sp. 2512—2513. Как правильно указал еще Л. Стефани (Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 г. в Южной России, ОАК за 1877 г., СПб., 1880, стр. 234—235), золотые бляшки, встречающиеся в некоторых курганах, где у головы Афины изображен дельфин или рыба, представляют собою подражания кизикским статерам. Впрочем, на панафинейских вазах иногда на щите Афины представлен дельфин (Л. Стефани, Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1875 г., ОАК за 1876 г., СПб., 1879, стр. 71).

²¹⁸ Д. Б. Шелов, ВДИ, 1949, № 2, стр. 96—98; С. Seltman, *Greek Coins*, p. 112—114; P. Gardner, *History*, p. 232—238; K. Regling, *Der griechische Goldschatz von Prinkipo*, ZfN, B. XLI, 1931, S. 41—46.

²¹⁹ Н. Fritze, «Nomisma», B. VII, Taf. II, 16, 17, 20; Taf. IV, 20; ср. ОАК за 1877 г., стр. 234—235.

²²⁰ Т. Герасимов, Неизданные автономные монеты от Месемврии на Черном море, ИБМ, т. I, 1950, стр. 24, табл. III, 1

²²¹ П. И. Каришковский, Праці ОДУ, т. 149, вип. 7, стор. 61.

²²² W. H. Roscher, *Die Gorgonen und Verwandtes*, Leipzig, 1879, S. 117—118; L. Preller, S. 76, 191—193, Dümmler, *Athena*, RE, B. II, Sp. 2006; Ziegler, *Gorgo*, RE, B. VII, Sp. 1641; O. Gruppe, *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*, München, 1906, S. 1141—1142, 1209 (Iw. Müller's Handbuch, B. V). Фарнелл (L. R. Fagnell, *The Cults of the Greek States*, v. I, Oxford, 1896, p. 286—288) полагал, напротив, что рассказ об убийстве Горгоны Афиной является новейшей версией.

²²³ См. Ziegler, RE, B. VII, Sp. 1642 и указанную автором литературу. О сближении Горгоны с Афиной в Северном Причерноморье свидетельствует то, что во всех прославленных погребениях скифских вождей всегда находятся золотые бляшки двух типов — с изображениями горгонейона и с изображениями Афины; оба типа бляшек встречены и в недавно найденном погребении в Мелитополе, см. А. И. Тереножкин, Скифский курган в Мелитополе, КСИА УССР, вып. 5, 1955, стр. 25, рис. 2.

²²⁴ С. Seltman, *Athens*, p. 56, 86; pl. IV, A 54—57, 60—61, pl. XI, A 208—213.

²²⁵ U. Köhler, *Über die attische Goldprägung*, ZfN, B. XXI, 1898, S. 10, Taf. I, 20.

²²⁶ С. Seltman, *Athens*, p. 34—35, 79—81, 155; pl. II, A 23 ss.

²²⁷ С. Seltman, *Athens*, p. 35, fig. 28. Такая роль колеса объясняется тем, что Эрихтоний, один из древнейших аттических героев, получил, согласно преданию, первую колесницу от богини Афины; ему же аттические мифы приписывали и изобретение монеты. См. Engelmann, *Erichthonions*, ALM, B. I, Sp. 1304.

гально обращались и в самих Афинах, и в подвластных афинянам государствах, а в Причерноморье они заменяли собственно аттическую монету²²⁸.

Подводя итоги всему сказанному по поводу относительной периодизации и продолжительности выпуска ольвийских литых монет, а также имея в виду их художественно-стилистические особенности, мы получаем возможность наметить для монет трех первых групп следующие абсолютные даты: ассы первой группы, с изображениями Афины и с буквами ΠΑΥΣ, были выпущены примерно в 30-х гг. V в. до н. э., вторая группа литых монет, с горгойейном и буквами ΑΡΙΧ, относится к следующим десятилетиям и, наконец, монеты третьей группы, с горгойейном и именем города, должны быть датированы рубежом V и IV вв. до н. э. Такая датировка не только находится в полном соответствии с художественно-стилистическими признаками этих монет, но и устраняет недоумения, порожденные как непомерно ранним появлением на монетах Ольвии личных имен, так и полуторастолетним разрывом между отдельными их сериями, которые приходилось допускать, исходя из датировки А. Н. Зографа²²⁹.

Как видно из всего изложенного, ольвийские ассы первой и второй групп приходятся именно на то время, когда Ольвия, как показано выше, являлась членом Афинского союза. Это обстоятельство объясняет и подчеркнутое «афинофильство» монетных типов, и отсутствие на ассах имени города, и замену обычного для Греции V в. до н. э. монетного металла, серебра, совершенно необычной медью²³⁰. В связи с этим приобретает особенное значение и то, что серебряные монеты появляются в Ольвии именно тогда, когда она выходит из Афинского союза.

Первые серебряные монеты Ольвии заслуживают отдельного экскурса. Это, во-первых, серебряные статеры эгинской системы с изображениями Геракла и окруженного дельфинами колеса, снова-таки без имени города, но с именем ΕΜΙΝΑΚΟ²³¹. Принадлежность их Ольвии определяется тем, что почти все известные экземпляры происходят из этого города, причем в Ольвии засвидетельствована и находка небольшого клада этих статеров²³². Не останавливаясь здесь на всех вопросах, связанных с этими интересными монетами, следует остановиться лишь на их датировке. Большинство ученых относят статеры с именем Эминака к V в. до н. э.²³³, но некоторые определяют их дату «около 480 г. до н. э.»²³⁴, другие — около середины V в.²³⁵, третьи ставят их на грани V и IV вв. до н. э.²³⁶. Специальное рассмотрение этого вопроса²³⁷ приводит нас к признанию правиль-

²²⁸ K. Regling, *Kyzikener*, RE, B. XII, Sp. 226—227; P. Gardner, *JHS*, v. XXXIII, p. 154—157; E. Vabelon, *RN*, 4 serie, v. XVII, p. 475—476; ср. также литературу, указанную выше, в прим. 37 и 218.

²²⁹ А. Н. Зограф, *АМ*, стр. 124—126. Следует подчеркнуть, что предлагаемая нами хронология ольвийских ассов не противоречит и условиям нахождения их в ходе раскопок; ср. Праці ОДУ, т. 149, вип. 7, стор. 63—65.

²³⁰ P. Gardner, *History*, p. 295—297; C. Sellman, *Greek Coins*, p. 137—138.

²³¹ А. Н. Зограф, *АМ*, табл. XXXII, 1; ср. А. В. Орешников, *Описание древнегреческих монет Московского университета*, М., 1891, табл. I, 9; *САН*, Plates, v. III, 1930, p. 19.

²³² Э. Р. Штерн, *Археологические новинки, ЗООИД*, т. XXV, 1904, Протоколы, стр. 54.

²³³ А. О. Орешников, *ИРАИМК*, т. I, стр. 223; Н. А. Мушмов, *Монетите на тракийските царе, ГПНБМ*, 1925 (1927), стр. 205; ср. B. V. Head, *HN*, p. 283; F. Imhoof-Blumer, *Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer Völker*, Leipzig, 1885, S. 17.

²³⁴ Collection R. Jameson, *Suite des monnaies grecques antiques et imperiales*, t. IV, Paris, 1932, p. 59, № 2536.

²³⁵ M. Hrbas, J. Marso und Dittrich, S. 144, № 15.

²³⁶ А. Л. Бертъ-Делагард, *НС*, т. I, стр. 58, прим. 2; ср. E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, p. 487.

²³⁷ П. О. Карышковский, *О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ, СА*, 1960, № 1, стр. 179—195.

ности именно последней точки зрения: если наличие четко вдавленного квадрата с почти незакругленными углами говорит о V в. до н. э., то изображение натягивающего лук Геракла при сравнении с монетами, где представлен тот же или близкий сюжет²³⁸, заставляет отодвигать дату их изготовления к самому концу V в. до н. э. Во всяком случае, такая передача согнутой и опущенной коленом на землю ноги, какая представлена на монетах Эминака, при которой бедро совершенно закрывает голень и ступню, вряд ли вообще возможна на монетах столь отдаленной области до того времени, когда пример фризов Парфенона с их ракурсными фигурами прочно вошел в художественное сознание монетных мастеров. Изучение стилистических особенностей представленного на обороте колеса²³⁹ подтверждает этот вывод и позволяет относить выпуск статов Эминака к рубежу предпоследнего и последнего десятилетий V в. до н. э.

Вскоре после выпуска монет с именем Эминака ольвиополиты выпускают мелкие серебряные монетки с изображениями букрания и тирса²⁴⁰. На обороте этих монет мы находим имя города, сокращенное до четырех первых букв, которые расположены вокруг вертикально поставленного тирса в том же порядке, что и буквы вокруг орла и дельфина на ассах третьей группы: O-A-Y-I. Обратное начертание беты, простота и подчеркнутая сакральность типов — все заставляет объединять это серебро с упомянутыми ассами, причем становится понятным и то, что в этой группе мы встречаем лишь медь среднего номинала: старший номинал был здесь заменен серебром²⁴¹. Четко обозначенная вдавленность штемпелей реверса, отсутствие на рогах бычьего черепа характерных для подобных изображений в эллинистическую эпоху посвяtitельных гирлянд или повязок — все подтверждает отнесение этих монет к рубежу V—IV вв. до н. э.²⁴²

Принимая установленную выше последовательность и датировку литых медных ассов и первых серебряных монет Ольвии и сравнивая время их выпуска с прочими событиями второй половины V в. до н. э., мы получаем следующую картину:

около середины V в. до н. э.	— Пребывание Геродота в Ольвии.
ок. 449 г. до н. э.	— Афинский декрет о мерах, весах и монете (декрет Клеарха).
ок. 437 г. до н. э.	— Морской поход афинян в Причерноморье (экспедиция Перикла); вступление Ольвии в Афинский морской союз и распространение на нее запрета чека на серебряной монете.
ок. 435 г. до н. э.	— Первая группа литых ольвийских монет из меди (Афина — колесо, ПАУΣ)

²³⁸ B. V. Head, *CBM, Central Greece etc.*, London, 1884, pl. XII; K. Regling, *Die antike Münze*, S. 69—71; J. Svoronos, *Numismatique de la Crète ancienne*, t. I, Macon, 1890, pl. IX.

²³⁹ Например, R. Jameson, *Une trouvaille des statères de Mélos*, BN, 4 serie, t. XII, 1908, p. 301—310; id., *La trouvaille de Milo*, RN, 4 serie, t. XIII, 1909, p. 188—208; E. Babelon, et Th. Reinach, *Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure*, t. I, fasc. 2, Paris, 1908, p. 289—291, pl. XLV.

²⁴⁰ Catalogue Naville, № IV, Geneve, 1922, p. 32, pl. XX, 506.

²⁴¹ О замене крупного номинала литой меди серебром в этой серии ольвийских ассов догадывался А. В. Орешников (ИРАИМК, т. I, стр. 225), но он полагал, что серебряной монетой, заменившей старший номинал ассов, был статер с именем Эминака.

²⁴² Серебряным монетам с изображением букрания нами посвящена отдельная заметка.

- ок. 435—425 гг. до н. э. — Вторая группа литых медных монет (горгонейон — орел на дельфине и горгонейон — колесо, А-Р-I-X).
- 425—424 гг. до н. э. — Новый поход афинян в Причерноморье (экспедиция Ламаха); привлечение припонтийских городов к уплате фороса (Ольвия облагается данью в один талант).
- ок. 423—422 гг. до н. э. — Новое подтверждение афинского декрета о мерах, весах и монете.
- 413 г. до н. э. — Поражение афинян в Сицилии.
- 412—411 гг. до н. э. — Восстания в городах Ионии, отпадение городов Пропонтиды от Афин; ослабление афинского влияния на Понте.
- ок. 410 г. до н. э. — Первая серия серебряных монет Ольвии (статеры с изображениями Геракла и колеса с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ).
- 410—406 гг. до н. э. — Временные военные успехи афинян и частичное восстановление афинского влияния в проливах и на Понте.
- 405—404 гг. до н. э. — Окончательное поражение афинян; окончание Пелопоннесской войны. Распад Афинского морского союза.
- ок. 403—393 гг. до н. э. — Вторая серия ольвийского серебра (оболы с изображениями букrania и тирса) и третья группа литых медных монет (горгонейон — орел на дельфине). Появление на монетах Ольвии имени города в виде сокращения ΟΛΒΙ (затем ΟΛΒΙΟ).

Как видно из всего изложенного, акад. С. А. Жебелев был совершенно прав в том отношении, что вхождение Ольвии в состав Афинского морского союза должно было оставить свои следы на ее монетах. Более того, изучение ольвийских монет второй половины V в. до н. э. в связи с установленным другим путем фактом принадлежности «торжища Борисфени-тов» к Афинскому союзу дает возможность, с одной стороны, подтвердить и уточнить время и обстоятельства присоединения ольвиополитов к Афинскому союзу равно как и выхода из него, а с другой — позволяет объяснить целый ряд своеобразных черт ольвийских монет этой эпохи. Так, мы устанавливаем, что пребывание Ольвии в числе подвластных афинянам государств укладывается в рамки четверти века — между временем Перикловой экспедиции в воды Понта (ок. 437 г. до н. э.) и поражением Афин в Сицилии (413 г. до н. э.). Однако в течение указанного двадцатипятилетия Ольвия прочно входила в сферу афинского влияния — на нее распространялся, в частности, и запрет чеканить свою серебряную монету. Между тем тесные связи с Афинами, способствуя развитию торговли, напротив, требовали наличия на городском рынке чеканной монеты. По всей вероятности, функции денег принадлежали в Ольвии первоначально кизикскому электру; статеры выступали при этом в роли интерлокальной монеты, необходимой главным образом в оптовой торговле с иноземцами, а гекты и еще более мелкие подразделения статеров (напомним, что из 12 найденных в Ольвии кизикинов 9 являются гектами и 2 гемигектами) выполняли функции средства обращения на собственно городском рынке. Однако привозной монеты вряд ли могло быть достаточно — и

вот ольвиополиты решаются обойти постановления Клеархова закона, подобно тому, как это бывало и в других местах. Так как в Ольвии и ее окрестностях роль денег уже с давних времен выполнялась медными дельфинчиками (может быть, отчасти и стрелками), то выход был найден сравнительно просто и в то же время остроумно: ольвиополиты, строго соблюдая запрет относительно чекана серебра, стали отливать медные «ассы». Так как в эту пору в основных центрах Эллады медь не употреблялась для производства монеты, то этим подчеркивался ограниченный, сугубо локальный характер литых ольвийских оболлов и халков. В то же время отсутствие имени города, замененного сокращениями местных магистратских имен, и подчеркнуто афинская типология — Афина, горгонейон, колесо — призваны были служить доказательством полной политической лояльности города. Однако и на этих монетах прослеживается местный мотив: сначала дельфин, атрибут покровителя мореходов Аполлона Дельфиния и в более широком смысле — символ процветания морской торговли²⁴³, а затем орел с дельфином в когтях — как можно полагать, герб (παράστρεφον) ольвиополитов, — неизменно занимают на них свое место, в начале лишь в качестве дополнительного изображения у головы Афины, как тунец на монетах Кизика, а затем в качестве самостоятельного типа оборотной стороны монет старшего номинала.

Ольвийские монеты второй половины V в. и в дальнейшем дают яркое изображение взаимоотношений Ольвии и Афин. Новое подтверждение Клеархова закона в конце 20-х гг. V в. до н. э. приводит к прекращению выпуска всяких монет; однако первый серьезный удар по Афинскому государству немедленно отражается на монетах Ольвии. Статеры с именем Эминака, выпущенные вслед за поражением афинян в Сицилии, в годы, когда афинское могущество казалось навсегда подорванным, резко порывают со старой проафинской традицией: они чеканены из запрещенного металла, не по аттической, но по эгинской весовой системе, а их главный тип — опустившийся на колено Геракл — несомненно должен, как и одновременно появляющийся на монетах Фасоса стреляющий Геракл²⁴⁴, быть выражением лаконофильской и антиафинской тенденции. Вскоре, впрочем, политическое положение в районе проливов и Пропонтиды изменилось, и в период последних военных успехов афинян Ольвия снова прекращает выпуск всякой монеты. Лишь окончательное поражение Афин и распад Афинского союза ведут к новому возрождению ольвийского монетного дела — город возвращается к чекану серебра и одновременно отливает медные монеты; типы серебра политически нейтральны (букраний, тирс), медь же сохраняет привычные изображения горгонейона и орла с дельфином в когтях. При этом нельзя не обратить внимание на то, что только теперь на монетах Ольвии впервые появляется сокращение имени города, сначала в виде O-Λ-Υ-I, затем O-Λ-BIO.

6.

Таким образом, изучение обломка найденной в Ольвии греческой надписи, пересмотр литературно-исторической традиции и анализ ольвийских монет второй половины V в. до н. э. подводят нас к выводам, не лишенным общен исторического интереса. Эти выводы состоят в следующем:

1. Во второй половине V в. до н. э. Ольвия входила в число членов Афинского морского союза.
2. Наиболее вероятно, что установление афинской гегемонии над Оль-

²⁴³ O. Keller, *Thiere des classischen Altertums*, S. 217; Wellman, *Delphinus*, RE, B. IV, Sp. 2509.

²⁴⁴ A. B. West, *Fifth and fourth century Gold Coins from the Thracian Coast*, NNM, № 40, 1929, p. 181—183 (cp. p. 17—18, 53—54).

вией последовало в период понтийской экспедиции Перикла, которую следует относить к первой половине 30-х гг. V в.

3. В период пребывания Ольвии в составе Афинского союза на нее распространялись общесоюзные постановления; в частности, в Ольвии действовал закон Клеарха, принуждавший союзников пользоваться атическими единицами мер и веса, а также афинской монетой.

4. Изготовление ольвиополитами крупных литых монет из меди, обычно не совсем точно называемых «ольвийскими ассами», связано не только с местной традицией обращения литых медных дельфинов и стрелок, но и с прямым запрещением членам Афинского морского союза чеканить серебряную монету.

5. Типология большинства литых монет V в. до н. э. тесно связана с Афинами, но соответствующие изображения были занесены в Северо-западное Причерноморье скорее всего при посредстве монет Кизика.

6. Хронология ольвийских литых монет, устанавливаемая на основе стилистического анализа помещенных на них изображений, подтверждает отнесение их ко второй половине V в. до н. э. Наиболее вероятны при этом такие абсолютные даты:

а) монеты с буквами Π Α Υ Σ — около 435 г.

б) монеты с буквами Α Ρ Ι Χ — между 435—425 гг.

в) монеты с надписью Ο Λ Β Ι — Ο Λ Β Ι Ο — между 404—394 гг.

7. В промежутке между медью второй и третьей группы, примерно около 412—410 гг. до н. э., ольвиополиты выпускают первую серию серебряной чеканной монеты, что свидетельствует о разрыве с Афинами, мощь которых поколебалась после катастрофы в Сицилии и в результате восстаний в ряде городов Ионии и Пропонтиды.

8. Однако окончательный разрыв с Афинами имел место уже после конца Пелопоннесской войны, когда на монетах Ольвии впервые появляется имя города; в дальнейшем ольвиополиты чеканят серебро и медь обычных для греческих городов типов, лишь однажды возвращаясь к попытке изготовления монетного литья²⁴⁵.

²⁴⁵ Имеем ввиду монеты с Деметрой (А. Н. Зограф, АМ, табл. XXXI, 4), которые были выпущены в 370—330 гг. до н. э.